

Демократия и терроризм: новый взгляд на старую проблему*

Андрей Кортаев

Доктор философии (PhD), доктор исторических наук, профессор,
заведующий лабораторией мониторинга рисков социально-политической дестабилизации,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Главный научный сотрудник Института Африки Российской академии наук
Адрес: ул. Мясницкая, д. 20, г. Москва, Российская Федерация 101000
E-mail: akorotayev@gmail.com

Илья Васькин

Магистр политических наук, стажер-исследователь
международной научно-учебной лаборатории институционального анализа
экономических реформ, Институт институциональных исследований,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Адрес: ул. Мясницкая, д. 20, г. Москва, Российская Федерация 101000
E-mail: ilia-vaskin@yandex.ru

Даниил Романов

Стажер-исследователь лаборатории мониторинга рисков
социально-политической дестабилизации,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Адрес: ул. Мясницкая, д. 20, г. Москва, Российская Федерация 101000
E-mail: dm.romanov@me.com

В статье анализируется зависимость между типом политического режима и уровнем террористической активности, с особым акцентом на так называемые фракционные (фракционные/*factional*) демократии. Ключевым отличием данного политического режима от других является наличие в нем поляризации между противоборствующими фракциями (*factions*), которая трансформирует конвенциональный институционализированный политический процесс в неконвенциональную политику раскола. Показано, что фракционные демократии подвергаются большему количеству террористических атак, чем другие политические режимы. Предлагается авторский ответ на давно обсуждаемый исследователями вопрос о причинах выявленной во многих исследованиях положительной корреляции между демократией и терроризмом. Обращается внимание на то, что положительная связь между демократическим режимом и уровнем террористической активности может быть получена из-за включения фракционных демократий в выборку демократических государств. Если фракционные демократии исключить из выборки, связь между уровнем террористической активности и демократическим режимом оказывается негативной. Выводы, сделанные на основе полученных результатов о характере связи между де-

---

© Кортаев А. В., 2019

© Васькин И. А., 2019

© Романов Д. М., 2019

© Центр фундаментальной социологии, 2019

DOI: 10.17323/1728-192X-2019-3-9-48

* Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2019 году при поддержке Российского научного фонда (проект № 18-18-00254).

мократиями, в частности фракциональными демократиями, и уровнем террористической активности, представляются значимыми при проведении тестов на выделенных подвыборках. Проведенный анализ позволяет утверждать, что фракциональная демократия является достаточно мощным фактором высокого уровня террористической активности, в то время как нефракциональная демократия оказывается скорее статистически значимым предиктором относительно более низкой интенсивности террористических атак.

Ключевые слова: терроризм, политический режим, фракциональная демократия, демократия, социально-политическая дестабилизация

Введение

Проблема влияния политического режима на интенсивность террористических атак является относительно разработанной темой в мировой политической науке. Литературу, посвященную влиянию типа политического режима на интенсивность терроризма, можно разделить на следующие блоки: работы, анализирующие влияние демократии на уровень террористической активности¹; воздействие отдельных видов политических режимов (например, военных диктатур, наследственных монархий) на террористическую деятельность; влияние отдельных характеристик политических режимов на данный тип политического насилия; роль инклюзивных по отношению к меньшинствам институтов как фактора снижения террористической угрозы. Эти блоки будут описаны ниже.

Влияние демократии на терроризм было исследовано в целом ряде работ, при этом были получены достаточно противоречивые результаты (см. табл. 1). С одной стороны, авторы части исследований утверждают, что демократия положительно связана с терроризмом (Нарочницкая, 2003; Eubank, Weinberg, 2001; Li, 2005; Lutz, Lutz, 2010; Chenoweth, 2010; Piazza, 2008, 2013; Young, Dugan, 2011)², при этом для этой связи предложено четыре основных объяснения: структурное, стратегическое, организационное и политическое (Chenoweth, 2013).

Структурное объяснение основано на том допущении, что в самом институциональном дизайне демократических государств присутствуют определенные возможности, облегчающие реализацию террористического насилия и информирования о нем. Само это объяснение имеет четыре разновидности: объяснение через гражданские свободы, через публичность, через занижение данных об уровне террористической активности автократиями и через институциональный дизайн как таковой (см.: Chenoweth, 2013: 360–370).

---

1. При этом большая часть исследований, касающихся данной тематики, посвящена изучению влияния отдельных элементов демократических систем, таких как децентрализация (Frey, Luechinger, 2004) или гражданское неповиновение (Allen, 2009).

2. Кроме того, существует ряд работ, которые указывают на наличие положительной связи демократии и терроризма (Нарочницкая, 2003; Foster, Braithwaite, Sobek, 2012; Ghatak, Gold, Prins, 2019; Gleditch, Polo, 2016) в контексте этнической дискриминации, что будет более подробно проанализировано ниже.

Объяснение через гражданские свободы исходит из того, что в демократических странах реализуются разного рода права: на свободу собраний, на свободу передвижения и самовыражения, которые облегчают террористическим группам организацию террористической активности, рекрутирование новых членов и т. п. При этом сильных эмпирических доказательств для данного объяснения нет (Li, 2005; Young, Findley, 2011). Кроме того, у данного объяснения есть ряд слабых мест. Во-первых, оно опирается только на возможность совершения теракта, не анализируя причин террористической активности. Во-вторых, в демократических странах есть возможность легального выражения своих интересов, что позволяет переключиться возможным террористическим организациям на мирные способы достижения своих целей вместо собственно терактов.

Объяснение через публичность предполагает, что свобода прессы создает стимулы для того, чтобы совершать террористические акты именно в демократических странах. Согласно этому объяснению, в таких странах коммерчески ориентированные медиакомпании более активно будут сообщать о терактах, что позволяет террористам бесплатно заявлять о себе и запугивать население страны. Такое объяснение предполагает, что государства с наибольшей свободой прессы должны быть наиболее привлекательными объектами террористических атак (Hoffman, 2006; Gadarian, 2010). Эмпирическое тестирование данной гипотезы не подтвердило ее (Scott, 2001). Ко всему прочему, у этого объяснения есть и некоторые другие недостатки. Во-первых, страны с приблизительно одинаковым уровнем свободы прессы подвержены разному уровню террористических атак. Во-вторых, оно не может объяснить вариацию по атакам внутри самих этих стран. В-третьих, ввиду распространения новых технологий и усиления глобализации избирать в качестве цели террористических атак конкретно страны с более свободной прессой становится все менее выгодным.

Объяснение через занижение автократиями данных о терактах основано на том, что они целенаправленно блокируют эту информацию (Sandler, 1995; Drakos, Gofas, 2006, 2007). Однако систематического анализа данного подхода на основании строгих эмпирических данных на настоящий момент проведено не было.

Наконец, объяснение через собственно институциональный дизайн основано на том, что конкретные институты типа партийной системы, избирательного законодательства или устройства судов влияют на террористическую активность (Danzell, Orlandrew, 2011; Kibris, 2011; Findley, Young, 2011). У этого объяснения основной изъян состоит в том, что эти характеристики статичны, а интенсивность терактов от времени может резко меняться время. Кроме того, институциональный аргумент преувеличивает количество терактов при прогнозировании. В целом связь между институтами и терроризмом на данный момент не является достаточно хорошо установленной.

Стратегическое объяснение основано на том, что террористы чаще совершают атаки в демократиях, потому что эти режимы более склонны идти на уступки террористам (Pape, 2003). При этом данная теория не имеет серьезных эмпириче-

ских подтверждений и оспаривается некоторыми авторами (Reiter, Wade, 2007). Оспаривается и основное допущение данной теории, так как при его проверке обнаруживается, что даже если демократии поначалу идут на уступки, то затем их отношение к террористам становится более жестким (Davis, Silver, 2004; Viscusi, Zeckhauser, 2003; Berrebi, Klor, 2006, 2008; Abrahms, 2007; Gadarian, 2010; Kibris, 2011; Merolla, Zechmeister, 2011).

Основной аргумент организационного объяснения базируется на том, что демократии более подвержены разным формам мобилизации (Robertson, Teitelbaum, 2011), а террористические организации возникают на «остатках» мобилизационных волн (Brooks, 2009; Moore et al., 2016). Однако данное объяснение также сталкивается с рядом проблем. Во-первых, эмпирическая проверка данной теории приводит к смешанным результатам (Chenoweth, 2007; Findley, Young, 2011). Во-вторых, политическая мобилизация есть не только в демократиях, но и в гибридных режимах (Levitsky, Way, 2011). В-третьих, такое объяснение может заметно завывать ожидаемое число терактов, так как в такой логике Центральная и Восточная Европа должны быть очень сильно подвержены терактам из-за постоянных волн политической мобилизации, чего актуально не наблюдается (Mares, 2011). Наконец, это объяснение не отвечает на вопрос: а почему, собственно, случается политическая мобилизация? Что ею движет?

Политическое объяснение основано на том, что интенсивность терроризма зависит от политики, проводимой конкретным политическим режимом. В частности, левые режимы более подвержены атакам, чем правые (Koch, Cranmer, 2007). При этом возможны и противоположные результаты (Danzell, 2011). Вместе с тем и у этого подхода есть ряд недостатков. Например, некоторые виды политики (скажем, военная оккупация) сами по себе повышают мобилизацию населения против соответствующего режима.

С другой стороны, ряд работ свидетельствует об отрицательной связи демократии и терроризма (Abrahms, 2007; Bird, Blomberg, Hess, 2008; Shahrouri, 2010; Basuchoudhary, Shughart II, 2010; Sandler, 1995), объясняя это тем, что в демократиях есть институты, которые отвечают за представленность тех, у кого в недемократиях не было бы права голоса³. Это служит способом ограничить насилие внутри общества и защитить права разного рода меньшинств. Исследование Константина Аша (2016) также привело к похожим результатам, показав, что высокий уровень представительности в демократиях отрицательно связан с терроризмом.

Следующий блок связан с влиянием отдельных подтипов политических режимов на терроризм. Дениз Аксой, Дэвид Картер и Джозеф Райт (Aksoy, Carter, Wright, 2012) в своем исследовании, посвященном эффекту представленности оппозиционных партий в парламентах авторитарных режимов, показали, что диктатуры без свободно избираемого парламента, но с активно действующими оппозиционными партиями более подвержены террористическим атакам, чем остальные

---

3. Подробные метаисследования, посвященные причинам терроризма и связи терроризма и демократии, см.: Brooks, 2009; Krieger, Meierrieks, 2011; Chenoweth, 2013.

виды диктатур. Они связывают это с тем, что поскольку организованная оппозиция не имеет возможности донести свои идеи до населения страны и режима легальным образом, наиболее радикальные ее представители совершают теракты с целью привлечь к себе внимание более деструктивными методами.

Другое подобное исследование, проведенное группой исследователей (Conrad, Conrad, Young, 2014) на примере разных типов автократий, показало, что значимую роль играют так называемые издержки информирования (*audience costs*)⁴. Прилагая этот концепт к терроризму, авторы данного исследования реинтерпретируют этот концепт как возможность воздействовать на максимально большое количество людей террористическими атаками. Они исходят из того, что в разных типах автократий издержки информирования разные, обосновывая это уровнем институционализации режима. Их исследование показывает, что военные и однопартийные диктатуры, а также династические монархии, где роль автократа в большей степени институционализирована, столь же сильно подвержены терактам, как и демократии, в силу схожих издержек информирования. С другой стороны, персоналистские диктатуры и нединастические монархии, в которых автократы в меньшей степени институционализированы, менее подвержены терактам по причине того, что издержки информирования там выше, чем в других подтипах (как демократических, так и автократических) режимов.

Кроме того, исследование Джеймса Пьяццы (Piazza, 2013) показало, что в молодых демократиях теракты совершаются чаще, чем в давно существующих. Он связывает это с тем, что в молодых демократиях политические институты еще не устоялись, правила игры для взаимодействия политических сил выработаны еще не до конца. При этом данное исследование указывает на то, что автократические режимы независимо от возраста менее подвержены терроризму, чем демократии.

Особняком здесь стоит исследование Андерсона и Брима, в котором авторы утверждают, что совершение теракта во время политического транзита от автократии к демократии способствует формированию негативного отношения к демократии на личностном уровне (Andersen, Brum, 2017).

Исследования роли отдельных элементов демократии в качестве предиктора терроризма охватывают разные темы. С одной стороны, есть теоретические работы, подобно статье Майкла Аллена (Allen, 2009), о том, что гражданское неподчинение в делиберативных демократиях не может выходить за пределы мирных действий, потому что целенаправленный вред людям и собственности уже не соответствует данной идее. Другим подобным примером является работа Бруно Фрея и Саймона Лючингера (Frey, Luechinger 2004), в которой показано, что децентрализация способствует уменьшению терроризма, так как увеличивает издержки и уменьшает выгоды от атак.

Стоит также отметить результат одного из исследований о том, что политические свободы и гражданские права отрицательно связаны с терроризмом, а эко-

---

4. Подробнее об издержках информирования см.: Fearon, 1994.

номические не оказывают значимого влияния (Kurrild-Klitgaard, Justesen, Klemmensen, 2005).

Вместе с тем в ряде эмпирических работ доказывается присутствие как отрицательной, так и положительной связи между наличием ограничений исполнительной власти и интенсивностью терроризма (Li, 2005; Lee, 2013); исследователи объясняют это тем, что в одних случаях данные ограничения способствуют меньшему тяготению исполнительной власти стать авторитарной, а с другой стороны, что, если ограничения исполнительной власти слишком сильны, она не может действовать адекватно в ситуациях, скажем, захвата заложников.

Кроме того, согласно некоторым исследованиям, значимую роль играет наличие независимой судебной системы (Findley, Young, 2011), политическая состоятельность (Chenoweth, 2010), международные кризисы, союз с США, участие в гражданских войнах (Savun, Philips, 2009). Еще одним элементом, более характерным для автократий, являются политические репрессии. Одно из исследований (Piazza, 2015) показало, что репрессии как минимум не уменьшают интенсивность террористических атак, а такие их виды, как физическое устранение репрессируемых, ограничение свободы медиа или ограничение электорального участия, положительно связаны с терроризмом.

Наконец, еще один крупный блок исследований посвящен роли этнических конфликтов в демократических режимах в контексте терроризма. Исследования, которые касаются данной тематики, показывают, что этническая фракционализация (Gleditsch, Polo, 2016) и дискриминация (Нарочницкая, 2003; Foster, Braithwaite, Sobek, 2012; Ghatak, Gold, Prins, 2019) в демократиях положительно связаны с терроризмом. Они объясняют это тем, что невозможность участвовать в политической жизни страны наравне с титульными нациями, а также проблемы, вызываемые соответствующей дискриминацией на бытовом уровне, катализируют радикализацию на групповом уровне, что ведет к увеличению интенсивности террористических атак.

В заключение данного обзора приведем сводку результатов о влиянии политического режима и некоторых других политических институтов на уровень террористической активности, полученных различными исследователями (см. табл. 1).

Особо стоит отметить исследование Хусрава Гайбуллоева, Джеймса Пьяццы и Тодда Сандлера (Gaibulloev, Piazza, Sandler, 2017), которое показало наличие еще одной возможной взаимосвязи между терроризмом и демократией (ср. также: Abadie, 2006). Анализируя данные с 1970 по 2012 год на основе информации по 159 странам, его авторы обнаружили перевернутую U-образную зависимость, связывающую эти переменные: для консолидированных автократий в среднем характерна минимальная интенсивность террористической активности; эта интенсивность достигает пика в переходных режимах и приобретает значения немногим выше минимума (характерного для консолидированных автократий) в консолидированных демократиях.

Данный вывод очень хорошо коррелирует с целым рядом исследований, показывающих наличие перевернутой U-образной зависимости между типом полити-

Таблица 1. Результаты эмпирических тестов корреляции между типом политического режима и уровнем террористической активности

Исследователь, год	Независимая переменная	Метод	Период	Выборка	Результаты
Lutz, Lutz, 2010	Демократия	Корреляция Пирсона	1972–1995	100 стран	1. Демократия положительно связана с терроризмом. 2. На Ближнем Востоке связь сильнее, в посткоммунистических странах слабее
Piazza, 2008	Демократия, экономическая свобода	Негативная биномиальная регрессия	1986–2003	153 страны	1. Демократия положительно связана с терроризмом. 2. Экономическая свобода не связана с терроризмом
Shahroui, 2010	Демократия	Augmented Dickey-Fuller, линейная регрессия	1970–1997	96 стран	1. Демократия отрицательно связана с терроризмом
Li, 2005	Демократия, институциональные ограничения	Негативная биномиальная регрессия	1975–1997	119 стран	1. Демократическое участие отрицательно связано с терроризмом. 2. Институциональные ограничения отрицательно связаны с терроризмом в демократиях
Basuchoudhary, Shughart II, 2010	Политические права, гражданские свободы	Негативная биномиальная регрессия	1982–1997	118 стран	1. Демократия отрицательно связана с терроризмом после окончания холодной войны
Sandler, 1995	Демократия	Описательная статистика	1980–1987	22 страны	1. В демократиях терактов меньше, чем в недемократиях
Abadie, 2006	Политическая свобода	Негативная биномиальная регрессия	2003–2004	186 стран	1. Терроризм криволинейно связан с демократией
Piazza, 2013	Время существования демократии	Негативная биномиальная регрессия	1970–2006	171 страна	1. Молодые демократии более подвержены терроризму. 2. Автократии независимо от возраста менее подвержены терроризму
Gaibullov, Piazza, Sandler, 2017	Тип режима	Пуассоновская регрессия, негативная биномиальная регрессия	1970–2012	159 стран	1. Перевернутая U-образная зависимость между типом режима и уровнем террористической активности

Исследователь, год	Независимая переменная	Метод	Период	Выборка	Результаты
Savin, Philips, 2009	Демократия, внешняя политика страны	Негативная биномиальная регрессия	1998–2004; 1968–2001	163 страны	1. Политический режим статистически незначим. 2. Международные кризисы, союз с США, участие в гражданских войнах положительно связаны с терроризмом
Lee, 2013	Демократия, свобода прессы, ограничения исполнительной власти	Пуассоновская регрессия	1978–2005	10 стран	1. Демократии менее подвержены атакам с захватом заложников. 2. Высокий уровень ограничений исполнительной власти уменьшает вероятность таких атак
Chenoveth, 2010	Политическая состоятельность	Негативная биномиальная регрессия	1975–1997; 1975–1994	119 стран; европейские демократии	1. Политическая состоятельность положительно связана с количеством террористических атак и длительностью существования террористических организаций
Piazza, 2015	Политические репрессии	Негативная биномиальная регрессия	1981–2006	149 стран	1. Репрессии позитивно связаны с терроризмом. 2. Электоральные ограничения, уменьшение свобод прессы, ограничение трудовых прав, дискриминация меньшинств, физические репрессии наиболее значительно связаны с терроризмом
Findley, Young, 2011	Независимая судебная система	Негативная биномиальная регрессия	1970–1997	149 стран	1. Наличие независимой судебной системы отрицательно связано с терроризмом
Kurrid-Klitgaard, Justesen, Klemmensen, 2005	Экономическая, политическая свобода, политические права	Кросс-секционный анализ	1996–2002	121 страна	1. Политические свободы и гражданские права отрицательно связаны с терроризмом. 2. Экономические свободы не связаны с терроризмом

Исследователь, год	Независимая переменная	Метод	Период	Выборка	Результаты
Conrad, Conrad, Young, 2014	Подтипы автократий	Негативная бинomialная регрессия	1970–2000	83 страны	1. Военные, однопартийные диктатуры и династические монархии настолько же подвержены терроризму, насколько и демократии. 2. Персоналистские диктатуры и нединастические монархии менее подвержены терроризму, чем демократии
Aksoy, Carter, Wright, 2012	Диктатуры	Логит, NB	1970–2007	138 стран	1. Диктатуры с оппозиционными партиями без представительства в парламенте более склонны к терроризму
Ash, 2016	Получение лидером власти силой, время с последней автократии, свобода СМИ	Групповая модель Маркова с фиксированными эффектами	1970–2011	171 страна	1. Представительные демократии менее подвержены терроризму, чем другие формы правления
Ghatak, Gold, Prins, 2019	Демократия, политическое исключение	NB	1990–2012	172 страны	1. Демократия положительно связана с терроризмом в случае дискриминации меньшинств
Gleditsch, Polo, 2016	Демократия, этническое исключение	NB	1970–2009	168 стран	1. Переход к демократии отрицательно связан с этническим терроризмом. 2. Этническая дискриминация положительно связана с терроризмом
Foster, Braithwaite, Sobek, 2012	Пропорциональное представительство	NB	1975–2007	102 страны	1. Наличие инклюзивных институтов отрицательно связано с терроризмом. 2. Высокий уровень представительства отрицательно связан с терроризмом
Andersen, Врум, 2017	Отношение к демократии	OLS	2015	Тунис	1. Скептическое отношение к демократии увеличивается после значительных террористических атак

ческого режима и общим уровнем социально-политической дестабилизации. Так, еще Теодор Гартнер показывал, что гибридные полудемократические режимы наиболее подвержены социально-политической дестабилизации (Gurr, 1974). Выводы Гартнера позже были подтверждены на основе эмпирических исследований: гибридные режимы оказываются менее устойчивыми для отдельных видов дестабилизации, например, таких как гражданские войны (Ellingsen, Gleditsch, 1997; Francisco, 1995; Muller, Weede, 1990). Наши собственные исследования также показывают, что гибридные режимы в целом оказываются более чувствительными к иным видам дестабилизации, таким как беспорядки, перевороты и т. д.; для промежуточных режимов в целом оказывается характерным статистически значимым более высокий уровень социально-политической нестабильности, чем для консолидированных демократий и последовательных автократий (Коротаев и др., 2016, 2017: 156–184; Slinko et al., 2017) — между уровнем социально-политической дестабилизации и типом политического режима прослеживается перевернутая U-образная зависимость.

Отметим, что результаты данной серии исследований показали, что и промежуточные режимы являются в интересующем нас отношении достаточно неоднородными. С одной стороны, действительно, для переходных режимов в целом характерен в среднем более высокий уровень социально-политической нестабильности, чем это наблюдается для консолидированных автократий и консолидированных демократий. Однако при этом среди переходных режимов особо выделяются так называемые фракционные демократии, для которых характерен особо высокий уровень политической нестабильности (см. рис. 1).

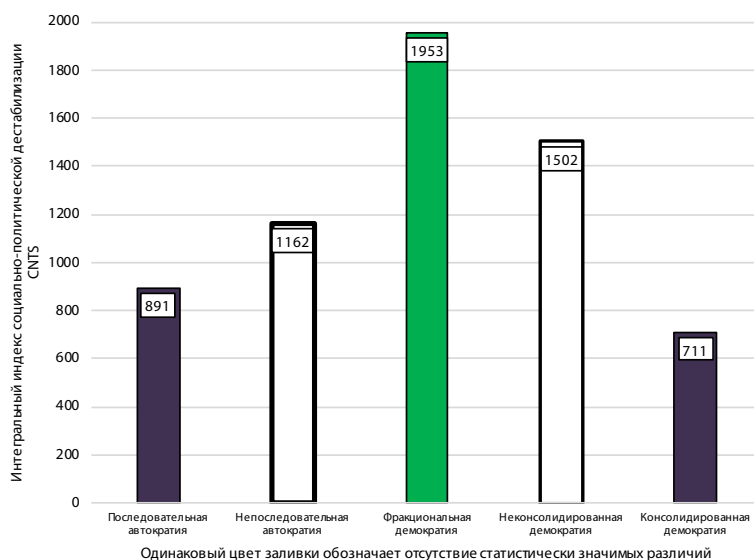

Рис. 1. Корреляция между калиброванным индексом демократии и средними значениями интегрального индекса дестабилизации CNTS, дисперсионный анализ (источник: Slinko et al. 2017: 42)

Если определять формально, то «фракциональная демократия — политический режим с местническими (*parochial*) или этническими политическими группировками, которые регулярно соперничают за политическое влияние для того, чтобы иметь возможность продвигать собственную политическую повестку и покровительствовать членам собственной фракции в ущерб общенациональной повестке» (Marshall, Jaggers, 2006: 26). Голдстоун и соавторы говорят о том, что фракциональные демократии включают умеренную степень соревновательности политического участия (*competitiveness of political participation*) (соответствует значению «3» по шкале PARCOMP базы данных Polity) и довольно высокую открытость рекрутинга исполнительной власти (соответствует значениям 6, 7, 8 по шкале EXREC базы данных Polity) в сочетании с фракциональной политической культурой. Таким образом, фракциональные демократии — особый тип гибридных режимов, особенность которых заключается в том числе и в высокой склонности к политической нестабильности. При этом по уровню близости к консолидированным демократиям они занимают промежуточное место между частичными автократиями (*partial autocracies*) и частичными демократиями (*partial democracies*), находясь при этом заметно ближе к частичным демократиям, чем к частичным автократиям (Goldstone et al., 2010: 196).

Фракциональная демократия — это такая демократия, когда размежевание политических сил идет не по линиям типа «правые — левые» или «либералы — консерваторы», а по таким линиям, как «сунниты — шииты», «последователи клана Салехов — последователи клана Ахмаров» или «дончане — западенцы». Например, Партия регионов бывшего президента Украины Януковича была типичной фракциональной партией. Ее невозможно было назвать ни левой, ни правой, ни консервативной, ни либеральной. Реально это была партия восточнукраинских (и в особенности донбасских) элит, противостоявшая элитам западноукраинским (см., например: Коротаяев, Исаев, Васильев, 2015). Чем закончилось строительство фракциональной украинской демократии, мы видим сейчас очень хорошо.

Хорошим примером является и попытка США силой насадить демократию в Ираке. В результате американского вторжения авторитарный режим Саддама был свергнут, а американские оккупационные власти вполне искренне постарались выстроить в Ираке демократический режим: не забудем, что, когда в ноябре 2003 года «Джордж Буш выступал перед Национальным фондом демократии (National Endowment for Democracy)... он назвал американское вторжение в Ирак началом „глобальной демократической революции“» (Beissinger, 2007: 261). Но демократия в Ираке вполне предсказуемым образом оказалась фракциональной, и закончилось все это в полном соответствии с политической теорией — гражданской войной.

В 2001 году группа американских исследователей во главе с Джеком Голдстоуном опубликовала результаты проведенного на деньги ЦРУ исследования (финансирование ЦРУ было прямо упомянуто в итоговой публикации по проекту [Goldstone, Bates et al., 2010]). Результаты исследования показали, что попытки строить

фракционную демократию с наибольшей вероятностью заканчиваются либо авторитарными переворотами, либо гражданскими войнами (Goldstone et al., 2001; Goldstone et al., 2010). Один из авторов этой статьи лично спрашивал Голдстоуна, понимал ли он, что из их доклада вытекало, что попытка американцев насадить демократию в Ираке закончится гражданской войной. Голдстоун сказал, что прекрасно это понимал, и хотя исследование было проведено на деньги ЦРУ еще при демократической администрации Клинтона, но республиканская администрация Буша сочла возможным проигнорировать его результаты.

В целом самыми стабильными типами режимов являются последовательные автократии и консолидированные демократии, что хорошо видно на рисунке 1. Заметно менее стабильны непоследовательные автократии и неконсолидированные демократии. Фракционные демократии значительно неустойчивее всех. Это утверждение было проверено на больших массивах фактических данных, и все эти проверки подтвердили, что оно верно (см.: Gurr, 1974; Gates et al., 2006; Goldstone et al., 2000, 2010; Goldstone, 2014; Mansfield, Snyder, 1995; Marshall, Cole, 2008, 2012; Ulfelder, Lustik, 2007; Vreeland, 2008; Korotayev et al., 2013, 2014; Korotayev, Issaev, Zinkina, 2015; Коротаев, Исаев, Васильев, 2015; Коротаев и др., 2016).

Почему для фракционных демократий характерен столь высокий уровень политической нестабильности? Б. Коул и М. Маршалл — исследователи, непосредственно задействованные в разработке базы данных Polity, дают этому следующее объяснение. Ключевым понятием для концептуализации фракционализма является понятие «поляризация» (*polarization*) — поляризация соперничающих фракций (Marshall, Gurr, Jagers, 2016). В фракционных демократиях поляризация имеет всегосударственный охват, который трансформирует конвенциональный институционализированный политический процесс в неконвенциональную политику раскола (*politics of disruption*). Политическое соперничество в таких случаях имеет тенденцию сохраняться на протяжении длительного времени, потому что принцип, на основе которого происходит раскол, начинает ассоциироваться с групповой идентификацией, а не с конкретной политической повесткой, касающейся конкретных интересов группы. Маршалл и Коул приводят следующую схему, иллюстрирующую связь фракциональной демократии и терроризма (рис. 2).

Можно видеть, что поляризованный фракционализм является той стадией эскалации конфликта, из которой политический режим может эволюционировать в открытое военное столкновение между двумя фракциями или пойти по пути демократической консолидации. Авторы также указывают, что около половины зафиксированных ими фракционных режимов пришли к долгосрочной дестабилизации, другая половина либо возвращается к авторитарной форме правления, либо переходит к консолидированной демократии.

Схожие выводы относительно связи фракционализма и политической нестабильности содержатся в работах Дж. Голдстоуна и Т. Гарра для кейсов Африки южнее Сахары и для мусульманских стран (Goldstone et al., 2005; Gurr et al., 2005).

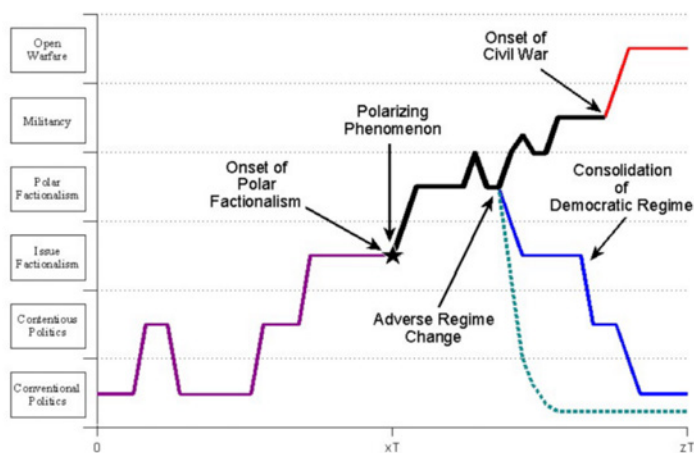

Рис. 2. Начало и конец фракционализма в открытых режимах
(источник: Marshall, Cole, 2012)

Отметим, что на основе сказанного можно сформулировать следующую гипотезу: *фракциональные демократии должны выступать в качестве предиктора не только особо высокого общего уровня политической нестабильности, но и особо высокого уровня террористической активности*, в частности, так как сохраняющаяся в течение длительного времени поляризация режима может приводить к тому, что члены группировок могут прибегать к насильственным (и в том числе к террористическим) методам решения политических вопросов.

Для того чтобы подкрепить подобный вывод эмпирическими данными, мы хотели бы проиллюстрировать его примером современной Украины⁵. Ниже приведен график, построенный на основе данных из базы Global Terrorism Database для Украины и для Восточной Европы (рис. 3, 4).

Можно видеть, что Украина дает значительное количество террористических атак и террористических убийств по сравнению с остальным регионом. Как было показано в вышеназванных работах, гибридные режимы (и в том числе фракциональные демократии) более склонны к различным видам социально-политической дестабилизации, в частности к гражданским войнам (Gurr, 1974; Ellingsen, Gleditsch, 1997; Francisco, 1995; Muller, Weede, 1990). В свою очередь такое масштабное событие, как гражданская война, повышает количество террористических атак в стране.

5. Украина на протяжении долгого периода имеет значение 3 в базе данных Polity по индексу политической конкуренции (PARCOMP). Данное значение характеризуется составителями базы данных как присущее фракциональным демократиям (Marshall, Gurr, Jagers, 2016).

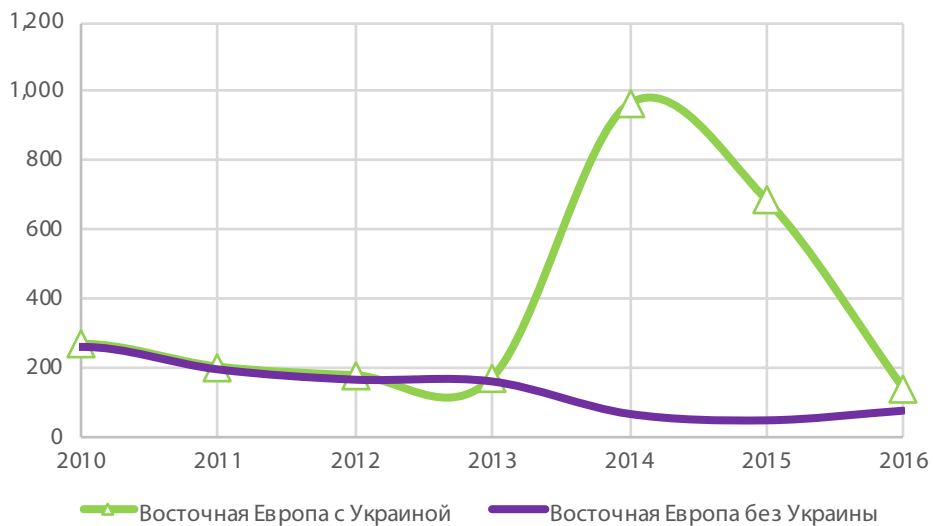

Рис. 3. Динамика количества террористических атак в период с 2010–2016 гг. в Восточной Европе (источник: START, 2018)

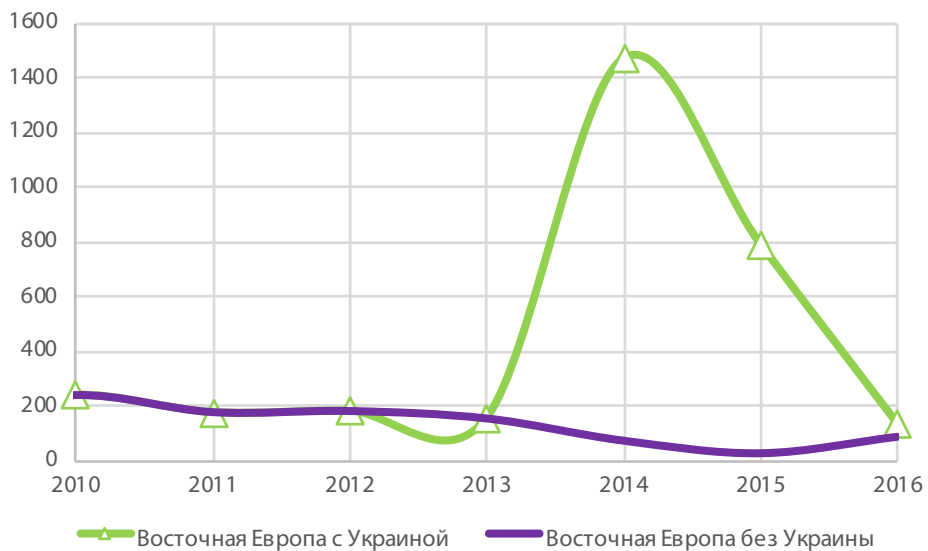

Рис. 4. Динамика числа убитых в террористических атаках в период с 2010–2016 гг. в Восточной Европе (источник: START, 2018)

Эмпирические данные и методы исследования

Для тестирования связи между уровнем террористической активности и типом политического режима, в частности фракциональной демократией, мы пользуемся базой данных Polity (Marshall, Gurr, Jaggers, 2016). Данные из этой базы мы переделываем по схеме Дж. Голдстоуна и др. Таким образом, мы разделяем все политические режимы по уровню политической состязательности и по принципу рекрутирования во власть (Goldstone et al., 2010). При таком подходе получается пять различных политических режимов: последовательные автократии, частичные автократии, фракциональные демократии, непоследовательные (частичные) демократии, последовательные (консолидированные) демократии. Мы берем дамми-переменную, принимающую значения 0 («режимы, отличные от фракциональной демократии») и 1 («фракциональная демократия»), отражающую фракциональные демократии, в качестве главной независимой переменной.

В качестве зависимой переменной мы берем переменную, отражающую количество совершенных террористических актов в государстве в определенный год. Для измерения уровня терроризма мы берем данные из базы данных Global Terrorism Database (START, 2018). Составители этой базы данных определяют террористический акт как непосредственное применение нелегальной силы либо насилия негосударственным актором (или угрозу ее применения) для достижения политической, экономической, религиозной или социальной цели посредством угроз, принуждения или устрашения. Соответственно, теракт должен обладать следующими свойствами:

- 1) быть намеренным волевым актом;
- 2) быть актом несимволического насилия или немедленной угрозы его осуществления;
- 3) террористы должны быть субнациональными акторами (правительственные акции внутри страны и действия внешних правительственных акторов, даже весьма жестокие, не включены в базу данных).

Важно заметить, что террористический инцидент рассматривается в качестве одного и того же события, если происходит в одном и том же месте в одно и то же время. Если же для двух инцидентов хотя бы один из этих параметров различен, то это разные события. База данных охватывает временной период с 1980 по 2015 год.

Мы также включаем ряд контрольных переменных, которые отражают в основном социально-экономические характеристики государства. Мы включаем такие показатели, как логарифм ВВП на душу населения (World Bank, 2018a), а также уровень безработицы (World Bank, 2018b) в стране из базы данных Всемирного банка. Мы также включаем такие переменные, как логарифм населения в стране и доля населения, проживающего в городах. Данные по этим переменным взяты из базы данных Отдела народонаселения ООН⁶. Целесообразным будет включить

6. <https://population.un.org/wpp/>.

и такую переменную, как средняя продолжительность обучения (*mean years of schooling*), для учета охвата образованием населения⁷. Информация по этой переменной взята из базы данных Программы развития ООН⁸ (Джахан, 2015).

Стоит также прокомментировать регрессионную модель, которую мы используем для тестирования зависимости. Дело в том, что распределение данных зависимой переменной в нашем случае никак нельзя назвать нормальным, что накладывает определенные ограничения на использование стандартной МНК-модели регрессии. Обратим внимание на характер распределения данных — распределение данных имеет вид пуассоновского распределения (см. рис. 5).

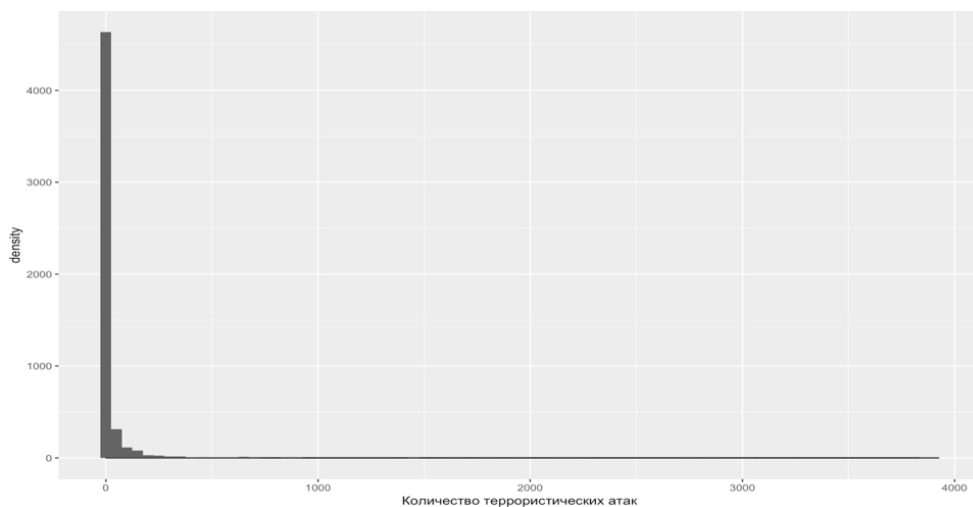

Рис. 5. Распределение количества террористических атак в период 1980–2015 гг. (источник: START, 2018)

Стоит заметить, что в нашей базе данных доминируют либо нулевые, либо целые значения чисел, которые достаточно близки к нулю. Также зависимая переменная имеет высокий уровень разброса относительно своего среднего. Обратим внимание на описательные статистики переменных в нашей базе данных (см. табл. 2).

7. В качестве источника данных по средней продолжительности образования использовались агрегированные данные Программы развития ООН (Джахан, 2015). В этой базе под указанным выше термином подразумевается «среднее количество лет образования, полученного лицами в возрасте 25 лет и старше, пересчитанное из показателя образовательного уровня населения с учетом официальной продолжительности каждого уровня образования» (Там же: 211).

8. United Nations Development Program, 2015.

Таблица 2. Описательные статистики переменных

	N	Минимум	Максимум	Среднее	Стд. отклонение	Дисперсия
Ln (ВВП на душу населения)	5299	5,508	12,166	8,915	1,241	1,539
Ln (население страны)	5242	4,3963	14,135	8,936	1,798	3,235
Количество террористических атак	5299	0	3925	25,51	132,341	17514,113
Годы обучения	5299	0,3	13,4	6,867	3,227	10,415
Безработица	3629	0,1	39,300	8,794	6,177	38,157
Доля городского населения	5242	4,338	100	52,914	23,718	562,541
Фракциональные демократии	4684	0	1	0,15	0,354	0,125
N валидных (целиком)	3358					

Можно видеть, что зависимая переменная, отражающая количество террористических атак, имеет очень высокую дисперсию, значение которой значительно превышает среднее. Потому с учетом предыдущих замечаний мы используем отрицательную биномиальную регрессионную модель вместо стандартной МНК-регрессии.

Тесты

Предварительная проверка гипотезы о том, что фракциональные демократии являются значимым предиктором террористической активности по сравнению с другими типами политических режимов, при помощи дисперсионного анализа дала следующие результаты (рис. 6).

Как мы видим, самые низкие значения интенсивности террористической активности действительно характерны для консолидированных демократий и последовательных автократий. В непоследовательных автократиях и нефракциональных неконсолидированных демократиях он несколько выше. При этом особо выделяются здесь именно фракциональные демократии, где средний уровень террористической активности несравненно выше, чем у других типов политических режимов. Речь при этом идет о безусловно статистически значимом различии. Таким образом, высказанная нами выше гипотеза о фракциональной демократии как статистически значимом предикторе повышенного уровня террористической активности находит достаточно сильное эмпирическое подтверждение.

Проконтролируем полученные результаты, противопоставив фракциональную демократию всем остальным типам политических режимов, с использованием следующих переменных. В качестве контроля, как мы указывали выше, будем ис-

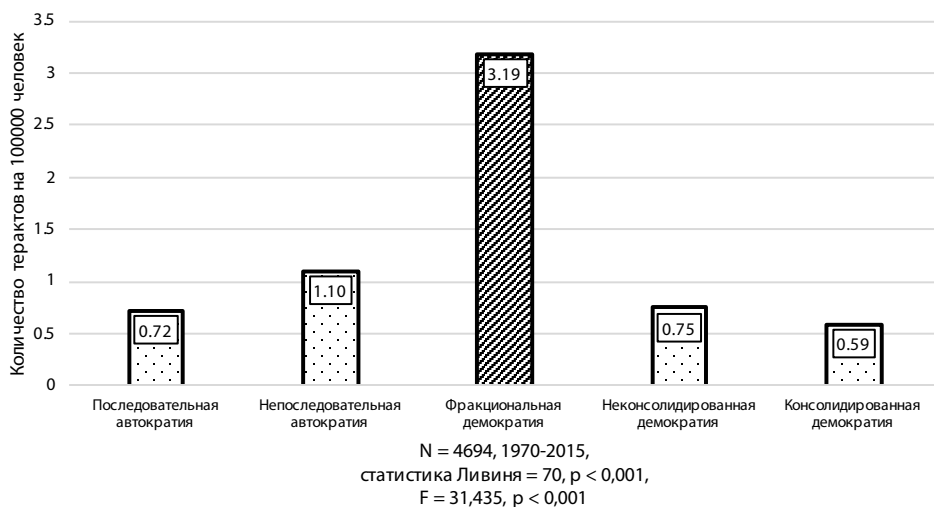

Рис. 6. Корреляция между количеством терактов на 100 000 человек и типом политического режима (источник: Marshall, Gurr, Jaggers, 2016; START, 2018)

пользовать такие переменные, относительно которых предыдущие исследования показали их высокую статистическую значимость как предикторов уровня террористической активности: безработица (Goldstein, 2005; Piazza, 2006), урбанизация/пропорция (доля) городского населения (Campos, 2009; Kis-Katos, Liebert, Schulze, 2009; Tavares, 2004), численность населения в стране (Piazza, 2006), уровень образования в стране (Elbakidze, Jih, 2015; Brokhoff, Krieger, Meierrieks, 2015; Васькин, Цирель, Коротаев, 2018), ВВП на душу населения (Piazza, 2006; Boehmer, Daube, 2013; Enders, Hoover, Sandler, 2016; Коротаев, Васькин, Билюга, 2017).

Отметим, что предыдущие исследования показали, что простое введение ВВП во множественную регрессию в качестве регрессора не является вполне оправданным. Дело в том, что результаты предыдущих исследований показали, что между уровнем экономического развития, измеренного при помощи ВВП на душу населения, и интенсивностью террористической активности, наблюдается перевернутая U-образная зависимость (Boehmer, Daube, 2013; Enders, Hoover, Sandler, 2016; Korotayev et al., 2018; Коротаев, Васькин, Билюга, 2017; Васькин, Цирель, Коротаев, 2018). Для менее экономически развитых стран мы видим значимую положительную корреляцию между подушевым ВВП и уровнем террористической активности, а для более развитых стран эта корреляция является отрицательной. То есть на более ранних стадиях модернизации экономический рост сопровождается тенденцией к росту числа террористических актов, а на более поздней фазе — тенденцией к его снижению (Васькин, Цирель, Коротаев, 2018) (рис. 7).

Рис. 7. Корреляция между средним ВВП на душу населения и средней интенсивностью терактов по децилям, 1980–2014 гг. (источники: World Bank, 2018; START, 2018).

Примечание: 1-й дециль (по ВВП на душу населения) — до 1326 долл.;
 2-й — от 1326 до 2029; 3-й — от 2029 до 3110; 4-й — от 3110 до 4650;
 5-й — от 4650 до 6891; 6-й — от 6891 до 9878; 7-й — от 9878 до 14 220;
 8-й — от 14 220 до 21 440; 9-й — от 21 440 до 33 000;
 10-й дециль — более 33 000 долл.

В силу данного обстоятельства, а также ввиду того, что множественные регрессии исходят из допущения о линейной связи между переменными, для проведения интересующей нас множественной регрессии оказывается необходимым разбить выборку на две части (рис. 7):

I. Экономически менее развитые страны с ВВП на душу населения менее 6900 долл., где предыдущие тесты показали наличие статистически значимой положительной корреляции между экономическим ростом и террористической активностью. В данную подвыборку попали страны с 1-го по 5-й дециль по результатам дисперсионного анализа.

II. Экономически более развитые страны с ВВП на душу населения более 3100 долл., где предыдущие тесты показали наличие статистически значимой отрицательной корреляции между экономическим ростом и террористической активностью. В данную подвыборку попали страны с 4-го по 10-й дециль по результатам дисперсионного анализа.

Аналогичная U-образная кривая наблюдается в странах с различным уровнем образования. Именно такие выводы содержатся в работах Брокхоффа и соавторов, изучавших связь образования и внутреннего терроризма (Brockhoff, Krieger, Meierrieks, 2015), а также в работах Элбакидзе и Жи, проследивших связь данного предиктора с транснациональным терроризмом (Elbakidze, Jih, 2015). Результаты нашего собственного анализа о характере зависимости между терроризмом

и уровнем образования в стране подтверждают выводы предыдущих авторов (Васькин, Цирель, Коротаев, 2018).

Можно видеть, что вплоть до 4-го дециля наблюдается положительная корреляция между уровнем образованности населения и интенсивностью террористических атак, в то время как для стран с более высоким уровнем количественного охвата населения образованием эта корреляция является отрицательной. Потому мы проведем дополнительные тесты для двух отдельных подвыборок (рис. 8).

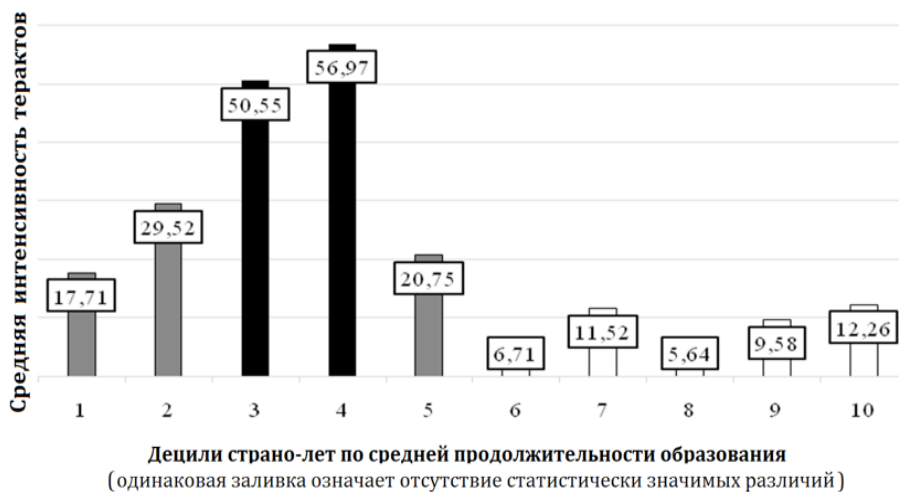

Рис. 8. Корреляция между средней продолжительностью образования и средней интенсивностью терактов по децилям (дисперсионный анализ) (источники: UN Development Program, 2018; START, 2018)

Примечание: $F = 11,4$; $p < 0,001$. Числа в рамках обозначают среднюю интенсивность терактов по децилям. 1-й дециль (по среднему количеству лет обучения) — до 3,26 года обучения; 2-й — от 3,26 до 4,76; 3-й — от 4,76 до 5,9; 4-й — от 5,9 до 7,14; 5-й — от 7,14 до 8,2; 6-й — от 8,2 до 8,9; 7-й — от 8,9 до 9,7; 8-й — от 9,7 до 10,5; 9-й — от 10,5 до 11,6; 10-й — более 11,6 года.

I. Страны с меньшим количеством лет образования, где предыдущие тесты показали наличие статистически значимой положительной корреляции между уровнем образования и террористической активностью. В данную подвыборку попали страны с 1-го по 4-й дециль по результатам дисперсионного анализа корреляции между уровнем образования и средней интенсивностью терактов.

II. Страны с большим уровнем образованности населения, где предыдущие тесты показали наличие статистически значимой отрицательной корреляции между уровнем образования и террористической активностью. В данную подвыборку попали страны с 4-го по 10-й дециль по результатам дисперсионного анализа корреляции между уровнем образования и средней интенсивности терактов.

Вначале проанализируем демократию как предиктор террористической активности при таком дихотомическом рассмотрении, когда демократии всех типов (за-

кодированы как 1) противопоставляются автократиям всех типов (закодированы как 0). Подобный анализ дает следующие результаты (см. табл. 3, 4).

Таблица 3. Влияние демократических режимов на уровень террористической активности в период 1980–2015 гг.

	Зависимая переменная	
	Количество террористических атак	
Демократия	0,104 (0,087)	
Ln (численность населения)	1,034*** (0,025)	
Ln (ВВП на душу населения)	0,032 (0,061)	
Уровень образования	–0,123 (0,019)	
Безработица	0,047*** (0,006)	
Доля городского населения	0,009*** (0,003)	
Константа	–7,731*** (0,478)	
Количество наблюдений	3629	
Log Likelihood	–9,370	
θ	0,200*** (0,006)	
AIC	18 756	

Примечание: * $p < 0,1$; ** $p < 0,05$; *** $p < 0,01$.

Таблица 4. Влияние демократических режимов на уровень террористической активности в стране в период 1980–2015 гг. (тест на подвыборках)⁹

	Зависимая переменная			
	Количество террористических атак			
	(1)	(2)	(3)	(4)
Демократии	0,083 (0,117)	0,291** (0,120)	–0,075 (0,117)	0,439*** (0,110)
Ln (численность населения)	1,194*** (0,038)	0,959*** (0,032)	1,013*** (0,040)	0,981*** (0,981)
Ln (ВВП на душу населения)	0,166* (0,092)	–0,161** (0,079)	0,440*** (0,110)	–0,183** (0,082)
Уровень образования	0,210*** (0,047)	–0,169*** (0,028)	0,065** (0,027)	–0,160*** (0,023)

9. Здесь и далее: (1) — подвыборка стран с низким уровнем охвата населения образованием (менее 7 лет средняя продолжительность образования), (2) — подвыборка стран с высоким уровнем образования (6 лет и более), (3) — подвыборка экономически менее развитых стран (с ВВП на душу населения менее 6900 международных долларов в ценах 2011 года по ППС), (4) — подвыборка экономически более развитых стран (с ВВП на душу населения более 3100 долл.).

Безработица	0,056*** (0,008)	0,041*** (0,009)	0,008 (0,009)	0,045*** (0,003)
Доля городского населения	0,013*** (0,004)	0,013*** (0,004)	-0,011** (0,005)	0,014*** (0,003)
Константа	-10,191***	-5,100***	-9,896***	-5,376***
Количество наблюдений	1707	2323	1573	2650
Log Likelihood	-4,927	-5,624	-4,282	-6,845
θ	0,197*** (0,008)	0,194*** (0,007)	0,208*** (0,008)	0,203*** (0,007)
AIC	9 893	11 263	8 578	13 705

Примечание: * p < 0,1; ** p < 0,05; *** p < 0,01.

Можно видеть, что при простом противопоставлении «демократия vs автократия» в четырех тестах из пяти мы имеем дело с положительной корреляцией между демократией и уровнем террористической активности. При этом в половине положительных тестов корреляция является статистически значимой, а отрицательная корреляция обнаруживается только в одном тесте (для экономически менее развитых стран, но она является статистически незначимой). Статистически значимая положительная корреляция между демократией и уровнем террористической активности прослеживается для стран с высоким охватом населения образованием и с более высоким уровнем экономического развития: согласно модели (2), наличие демократического режима в стране с высоким уровнем образования (более 6 средних лет обучения) повышает количество террористических атак почти на 34%¹⁰ (см. Прил. 2); с другой стороны, согласно модели (4), наличие демократического режима в странах с подушевым ВВП более 3100 долл. по ППС повышает количество террористических атак почти на 55% (см. Прил. 2).

Наши предварительные выводы частично согласуются с выводами предыдущих исследователей, в частности с результатами ряда авторов, которые находят, что демократический режим положительно (или слабо положительно) связан с уровнем террористической активности в стране (см., например: Нарочницкая, 2003; Eubank, Weinberg, 2001; Li, 2005; Lutz, Lutz, 2010; Chenoweth, 2010; Piazza, 2008, 2013; Young, Dugan, 2011).

Протестируем теперь выдвинутую нами выше гипотезу о том, что фракционные демократии (закодированы как 1) должны являться сильными статистически значимыми предикторами высокого уровня террористической активности при сравнении с прочими политическими режимами (закодированы как 0). Формальная эмпирическая проверка данной гипотезы дает следующие результаты (см. табл. 5, 6).

10. Здесь и далее мы интерпретируем коэффициенты при регрессионной модели в контексте отношения рисков (Incidence (Risk) Rate Ratio — IRR) (см. Прил. 1–6).

Таблица 5. Влияние фракциональной демократии на уровень террористической активности в период 1980–2015 гг.

	Зависимая переменная	
	Количество террористических атак	
Фракциональные демократии	1,422***	(0,104)
Ln (численность населения)	0,956***	(0,026)
Ln (ВВП на душу населения)	0,235***	(0,062)
Уровень образования	-0,112***	(0,018)
Безработица	0,036***	(0,006)
Доля городского населения	-0,001	(0,003)
Константа	-8,695***	(0,491)
Количество наблюдений	3358	
Log Likelihood	-8,673	
θ	0,225***	(0,007)
AIC	17 360	

Примечание: * p < 0,1; ** p < 0,05; *** p < 0,01.

Таблица 6. Влияние фракциональной демократии на уровень террористической активности в период 1980–2015 гг. (тест на подвыборках)

	Зависимая переменная			
	Количество террористических атак			
	(1)	(2)	(3)	(4)
Фракциональные демократии	1,226*** (0,148)	1,684*** (0,134)	0,496*** (0,141)	1,690*** (0,126)
Ln (численность населения)	1,146*** (0,038)	0,907*** (0,033)	0,976*** (0,040)	1,023*** (0,029)
Ln (ВВП на душу населения)	0,344*** (0,095)	0,098 (0,079)	0,602*** (0,115)	0,114 (0,081)
Уровень образования	-0,237*** (0,045)	-0,132*** (0,026)	-0,040 (0,026)	-0,160*** (0,021)
Безработица	0,032*** (0,008)	0,028*** (0,009)	0,003 (0,009)	0,031*** (0,008)
Доля городского населения	0,007 (0,005)	-0,001 (0,004)	-0,012*** (0,005)	0,001 (0,003)
Константа	-11,156*** (0,693)	-6,713*** (0,734)	-11,300*** (0,825)	-6,969*** (0,739)
Количество наблюдений	1593 2157 1473 2463			
Log Likelihood	-4,408 -5,356 -3,877 -6,500			
θ	0,220*** (0,009)	0,222*** (0,008)	0,227*** (0,010)	0,230*** (0,008)
AIC	8 830 10 727 7 768 13 015			

Примечание: * p < 0,1; ** p < 0,05; *** p < 0,01.

Можно видеть, что, как в случае с объединенной выборкой, так и в случае с подвыборками, мы имеем статистически значимую положительную зависимость между уровнем террористической активности в стране и типом политического режима. Так, наличие в стране фракционального демократического режима увеличивает количество террористических атак почти в 4 раза по сравнению с другими типами политических режимов (см. Прил. 5). Наличие в стране с низким уровнем фракционального демократического режима образования увеличивает количество террористических атак в 3,5 раза по сравнению с другими политическими режимами (см. Прил. 6). Наличие в стране с высоким уровнем образования фракционального демократического режима увеличивает количество террористических атак почти в 5,4 раза по сравнению с другими политическими режимами (см. Прил. 6). Наличие в стране с низким подушевым ВВП фракционального демократического режима увеличивает количество террористических атак почти в 1,6 раза по сравнению с другими политическими режимами (см. Прил. 6). Наличие в стране с высоким подушевым ВВП фракционального демократического режима увеличивает количество террористических атак почти в 5,4 раза по сравнению с другими политическими режимами (см. Прил. 6). *Отметим, что фракциональные демократии оказываются особо мощным дестабилизирующим фактором в более модернизированных (экономически и культурно) странах.*

Таким образом, можно выдвинуть гипотезу о том, что именно фракциональные демократии при включении их в общую выборку демократических стран дают положительную связь между уровнем террористической активности и демократией. Можно предположить, что если исключить фракциональные демократии из выборки демократических стран, то мы можем получить отрицательную связь между демократическим режимом и уровнем террористических атак в стране. Данное предположение согласуется с результатами нашего предварительного тестирования связи типов политических режимов и уровня террористической активности (см. рис. 1, 6), а также выводами авторов, которые сообщают об отрицательной связи между демократией и уровнем террористической активности в стране (см., например: Shahrouri, 2010; Sandler, 1995; Basuchoudhary, Shugart, 2010).

Проведем отдельные тесты для объединенной переменной нефракциональных консолидированных и неконсолидированных демократий (закодированы как 1, прочие политические режимы закодированы как 0) (см. табл. 7, 8).

Таблица 7. Влияние нефракциональной демократии на уровень террористической активности в период 1980–2015 гг.

	Зависимая переменная
	Количество террористических атак
Нефракциональная демократия	-0,864*** (0,083)
Ln (численность населения)	1,052*** (0,025)
Ln (ВВП на душу населения)	0,153*** (0,059)

Уровень образования	-0,098*** (0,018)
Безработица	0,043*** (0,006)
Доля городского населения	0,004*** (0,003)
Константа	-8,486*** (0,471)
Количество наблюдений	3629
Log Likelihood	-9,314
θ	0,209*** (0,006)
AIC	18,642

Примечание: * $p < 0,1$; ** $p < 0,05$; *** $p < 0,01$.

Таблица 8. Влияние нефракционной демократии на уровень террористической активности в стране в период 1980–2015 гг. (тест на подвыборках)

	Зависимая переменная			
	Количество террористических атак			
	(1)	(2)	(3)	(4)
Нефракционная демократия	-0,652*** (0,124)	-1,127*** (0,105)	-0,340*** (0,127)	-0,883*** (0,097)
Ln (численность населения)	1,166*** (0,038)	1,043*** (0,031)	1,008*** (0,040)	1,023*** (0,981)
Ln (ВВП на душу населения)	0,213** (0,092)	-0,049 (0,078)	0,462*** (0,110)	-0,188** (0,080)
Уровень образования	0,200*** (0,046)	-0,107*** (0,027)	-0,065** (0,026)	-0,097*** (0,022)
Безработица	0,041*** (0,008)	0,048*** (0,009)	0,008 (0,009)	0,038*** (0,008)
Доля городского населения	0,015*** (0,004)	0,003 (0,003)	-0,010** (0,005)	0,008*** (0,003)
Константа	-10,095*** (0,669)	-7,120*** (0,798)	-10,028*** (0,794)	-5,089*** (0,721)
Количество наблюдений	1707	2323	1573	2650
Log Likelihood	-4,915	-5,568	-4,279	-6,807
θ	0,200*** (0,008)	0,209*** (0,008)	0,209*** (0,009)	0,211*** (0,007)
AIC	9 845	11 150	8 578	13 628

Примечание: * $p < 0,1$; ** $p < 0,05$; *** $p < 0,01$.

Можно видеть, что как в случае с объединенной выборкой, так и в случае с подвыборками мы имеем статистически значимую негативную связь между уровнем террористической активности в стране и нефракционным демократическим

режимом. Так, в целом наличие в стране нефракционного консолидированного или неконсолидированного демократического режима уменьшает количество террористических атак на 58% (см. Прил. 3). Наличие нефракционного консолидированного или неконсолидированного демократического режима в стране с низким уровнем образования уменьшает количество террористических атак на 48% (см. Прил. 4). Наличие нефракционного консолидированного или неконсолидированного демократического режима в стране с высоким уровнем образования уменьшает количество террористических атак на 68% (см. Прил. 4). Наличие нефракционного консолидированного или неконсолидированного демократического режима в стране с низким подушевым ВВП уменьшает количество террористических атак на 29% (см. Прил. 4). Наличие консолидированного или неконсолидированного демократического режима в стране с высоким подушевым ВВП уменьшает количество террористических атак на 59% (см. Прил. 4). Результаты по данной спецификации модели подтверждают гипотезу о том, что именно включение фракционных демократий в выборку демократических режимов ведет к появлению положительной корреляции между демократическим режимом и уровнем террористической активности. При этом стоит отметить, что *нефракционная демократия оказывается более мощным фактором снижения террористической активности в более модернизированных (экономически и культурно) странах.*

Итак, имеются определенные основания утверждать, что нефракционные демократические режимы скорее негативно связаны с уровнем террористической активности, в то время как фракционные демократии связаны с уровнем террористической активности положительно. По всей видимости, некоторые исследователи находили положительную зависимость между демократией и уровнем террористической активности именно из-за включения фракционных демократий в выборку демократических стран. В целом результаты данного исследования согласуются с выводами, сделанными в предыдущих работах, авторы которых сообщают о наличии негативной связи между демократическим режимом и уровнем террористической активности (Basuchoudhary, Shugart, 2010; Sandler, 1995; Shahrouri, 2010), однако мы идентифицируем и важное исключение из данного правила.

Заключение

На основе полученных результатов проведенного исследования можно сделать следующие выводы. В начале исследования было обращено внимание на то, что существует значительный пласт работ, посвященный тематике связи различных видов политических режимов и, в частности, демократий, с интенсивностью террористических атак. Однако к окончательному общепринятому выводу о том, как демократические режимы связаны с террористической активностью, предыдущим исследователям прийти не удалось. Некоторые из них сообщают, что демократиче-

ский режим положительно связан с террористической активностью в государстве, другие утверждают, что демократический режим отрицательно связан с террористической активностью или что демократическое государственное устройство вообще никакого статистически значимого влияния на уровень террористической активности не оказывает. Пользуясь авторской концептуализацией политических режимов Дж. Голдстоуна и соавторов (Goldstone et al., 2010), которая также легла в основу базы данных Polity (Marshall, Gurr, Jaggers, 2016), на основе предварительных тестов корреляций между типом политического режима и количеством террористических атак было сделано предположение, что именно фракциональные демократии являются тем политическим режимом, который наиболее подвержен террористическим атакам. Также были приняты во внимание перевернутые U-образные зависимости, которые можно наблюдать для двух переменных, статистически значимо связанных с террористической активностью, — ВВП на душу населения в стране и уровне образования в стране. Для учета данных зависимостей выборка была разбита на несколько подвыборок, и был проведен ряд формальных тестов с применением отрицательной биномиальной регрессии. В результате было обнаружено, что фракциональные демократии являются значимым предиктором количества террористических актов и что данный тип политических режимов положительно связан с уровнем террористической активности в стране. Важно заметить, что значимые результаты сохраняются как на обобщенной выборке, так и на подвыборках, учитывающих различный уровень модернизации государства (однако в более модернизированных в экономическом и образовательном отношениях государствах фракциональная демократия оказывается более мощным предиктором высокого уровня террористической активности, чем в менее модернизированных странах). Также отдельные модели были построены для стандартной дихотомии политических режимов (демократии/автократии) и для демократических режимов без учета фракциональных демократий (то есть для нефракциональных демократий). В итоге удалось выяснить, что нефракциональные демократические режимы оказываются значимым ингибитором террористической активности как на обобщенной выборке, так и на подвыборках, учитывающих различный уровень модернизации государства (однако в более модернизированных в экономическом и образовательном отношениях государствах нефракциональная демократия оказывается более мощным ингибитором террористической активности, чем в менее модернизированных странах). Таким образом, данная работа вносит новую перспективу в изучение связи между типом политического режима и уровнем террористической активности, а также в дискуссию о том, какого рода связь существует между демократией и терроризмом.

Приложения

Приложение 1. Влияние демократических режимов на уровень террористической активности в период 1980–2015 гг. (значения IRR)

	Зависимая переменная
	Количество террористических атак
Демократии	1,109 (0,172)
Ln (численность население)	2,814 (0,108)
Ln (ВВП на душу населения)	1,033 (0,085)
Уровень образования	0,884 (0,032)
Безработица	1,048*** (0,010)
Доля городского населения	1,009*** (0,005)
Константа	0,000*** (0,000)

Примечание: * p < 0,1; ** p < 0,05; *** p < 0,01.

Приложение 2. Влияние демократических режимов на уровень террористической активности в стране в период 1980–2015 гг. (тест на подвыборках) (значения IRR)

	Зависимая переменная			
	Количество террористических атак			
	(1)	(2)	(3)	(4)
Демократии	1,087 (0,227)	1,338** (0,263)	9,275 (0,181)	1,550*** (0,181)
Ln (численность населения)	1,302*** (0,175)	2,609*** (0,120)	2,755*** (0,137)	2,666*** (0,137)
Ln (ВВП на душу населения)	1,180* (0,153)	0,851** (0,087)	1,553*** (0,324)	0,833** (0,324)
Уровень образования	8,105*** (0,048)	0,844*** (0,049)	9,373** (0,045)	0,852*** (0,045)
Безработица	1,058*** (0,009)	1,042*** (0,014)	1,007 (0,009)	1,046*** (0,009)
Доля городского населения	1,013*** (0,005)	1,013*** (0,006)	9,886** (0,008)	1,014*** (0,008)
Константа	3,013*** (0,000)	0,006*** (0,004)	5,037*** (0,008)	0,005*** (0,000)

Примечание: * p < 0,1; ** p < 0,05; *** p < 0,01.

Приложение 3. Влияние нефракционных демократических режимов на уровень террористической активности в период 1980–2015 гг. (значения IRR)

	Зависимая переменная	
	Количество террористических атак	
Нефракционные демократии	0,421***	(0,088)
Ln (численность населения)	2,863***	(0,112)
Ln (ВВП на душу населения)	1,166***	(0,083)
Уровень образования	0,906***	(0,038)
Безработица	1,044***	(0,008)
Доля городского населения	1,004***	(0,005)
Константа	<0,001***	(<0,001)

Примечание: * p < 0,1; ** p < 0,05; *** p < 0,01.

Приложение 4. Влияние нефракционных демократических режимов на уровень террористической активности в стране в период 1980–2015 гг. (тест на подвыборках) (значения IRR)

	Зависимая переменная			
	Количество террористических атак			
	(1)	(2)	(3)	(4)
Нефракционные демократии	0,521*** (0,161)	0,324*** (0,060)	0,712*** (0,200)	0,413*** (0,096)
Ln (численность населения)	3,208*** (0,169)	2,839*** (0,119)	2,739*** (0,149)	2,782*** (0,124)
Ln (ВВП на душу населения)	1,237** (0,147)	1,050 (0,104)	1,588*** (0,355)	0,829** (0,094)
Уровень образования	8,184*** (0,059)	0,899*** (0,038)	0,937** (0,047)	0,907*** (0,043)
Безработица	1,042*** (0,009)	1,049*** (0,013)	1,008 (0,009)	1,038*** (0,013)
Доля городского населения	1,015*** (0,006)	1,003 (0,006)	0,990** (0,007)	1,008*** (0,005)
Константа	0,000*** (0,000)	0,000*** (0,000)	0,000*** (0,000)	0,006*** (0,008)

Примечание: * p < 0,1; ** p < 0,05; *** p < 0,01.

Приложение 5. Влияние фракциональной демократии на уровень террористической активности в период 1980–2015 гг. (значения IRR)

	Зависимая переменная	
	Количество террористических атак	
Фракциональные демократии	4,144***	(0,695)
Ln (численность населения)	2,602***	(0,119)
Ln (ВВП на душу населения)	1,265***	(0,109)
Уровень образования	0,894***	(0,035)
Безработица	1,036***	(0,009)
Доля городского населения	0,999	(0,005)
Константа	0,000***	(0,000)

Примечание: * p < 0,1; ** p < 0,05; *** p < 0,01.

Приложение 6. Влияние фракциональной демократии на уровень террористической активности в период 1980–2015 гг. (тест на подвыборках) (значения IRR)

	Зависимая переменная			
	Количество террористических атак			
	(1)	(2)	(3)	(4)
Фракциональные демократии	3,407*** (0,814)	5,385*** (1,095)	1,642*** (0,348)	5,421*** (1,086)
Ln (численность населения)	3,145*** (0,168)	2,476*** (0,146)	2,653*** (0,162)	2,545*** (0,136)
Ln (ВВП на душу населения)	1,411*** (0,161)	1,103 (0,122)	1,826*** (0,388)	1,120 (0,138)
Уровень образования	0,789*** (0,053)	0,877*** (0,034)	0,961 (0,053)	0,852*** (0,032)
Безработица	1,032*** (0,011)	1,028*** (0,013)	1,003 (0,017)	1,031*** (0,013)
Доля городского населения	1,007 (0,007)	0,999 (0,006)	0,988*** (0,008)	1,000 (0,005)
Константа	0,007*** (0,000)	0,001*** (0,001)	0,000*** (0,000)	0,001*** (0,005)

Примечание: * p < 0,1; ** p < 0,05; *** p < 0,01.

Литература

- Васькин И. А., Цирель С. В., Коротаев А. В.* (2018). Экономический рост, образование и терроризм: опыт количественного анализа // Социологический журнал. Т. 24. № 2. С. 28–65.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В.* (2014). Революция vs демократия (революция и контрреволюция в Египте) // Полис. Политические исследования. № 3. С. 139–158.
- Джахан С.* (ред.). (2015). Доклад о человеческом развитии 2015: труд во имя человеческого развития. М.: Программа развития ООН.
- Коротаев А. В., Васькин И. А., Билюга С. Э.* (2017). Гипотеза Олсона — Хантингтона о криволинейной зависимости между уровнем экономического развития и социально-политической дестабилизацией: опыт количественного анализа // Социологическое обозрение. Т. 16. № 1. С. 9–47.
- Коротаев А. В., Гринин Л. Е., Исаев Л. М., Билюга С. Э., Васькин И. А., Слинько Е. В., Шишкина А. Р., Мецерица К. В.* (2017). Дестабилизация: глобальные, национальные, природные факторы и механизмы. М.: Учитель.
- Коротаев А. В., Исаев Л. М., Васильев А. М.* (2015). Количественный анализ революционной волны 2013–2014 гг. // Социологические исследования. № 8. С. 119–127.
- Коротаев А. В., Слинько Е. В., Шульгин С. Г., Билюга С. Э.* (2016). Промежуточные типы политических режимов и социально-политическая нестабильность (опыт количественного кросс-национального анализа) // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз. № 3. С. 31–52.
- Малков С. Ю., Коротаев А. В., Исаев Л. М., Кузьминова Е. В.* (2013). О методике оценки текущего состояния и прогноза социальной нестабильности: опыт количественного анализа событий арабской весны // Полис: политические исследования. № 4. С. 137–162.
- Нарочницкая Е. А.* (2003). Терроризм и демократия (на примере этнического терроризма в странах Запада) // Актуальные проблемы Европы. № 1. С. 27–59.
- Abrahms M.* (2007). Why Democracies Make Superior Counterterrorists // Security Studies. Vol. 16. № 2. P. 223–253.
- Aksoy D., Carter D. B., Wright J.* (2012). Terrorism in Dictatorships // Journal of Politics. Vol. 74. № 3. P. 810–826.
- Allen M.* (2009). Civil Disobedience and Terrorism: Testing the Limits of Deliberative Democracy // Theoria. Vol. 56. № 118. P. 15–39.
- Andersen R., Brym R.* (2017). How Terrorism Affects Attitudes toward Democracy: Tunisia in 2015 // Canadian Review of Sociology. Vol. 54. № 4. P. 519–529.
- Ash K.* (2016). Representative Democracy and Fighting Domestic Terrorism // Terrorism and Political Violence. Vol. 28. № 1. P. 114–134.
- Basuchoudhary A., Shughart II W. F.* (2010). On Ethnic Conflict and the Origins of Transnational Terrorism // Defense and Peace Economics. Vol. 21. № 1. P. 65–87.

- Berrebi, C., Klor E. E.* (2006). On Terrorism and Electoral Outcome: Theory and Evidence from the Israeli-Palestinian Conflict // *Journal of Conflict Resolution*. Vol. 50. № 6. P. 899–925.
- Bird, G., Blomerg, S. B., Hess G. D.* (2008). International Terrorism: Causes, Consequences, and Cures // *The World Economy*. Vol. 31. № 2. P. 255–274.
- Boehmer Ch., Daube M.* (2013). The Curvilinear Effects of Economic Development on Domestic Terrorism // *Peace Economics, Peace Science and Public Policy*. Vol. 19. № 3. P. 359–368.
- Brockhoff S., Krieger T., Meierrieks D.* (2015). Great Expectations and Hard Times: The (Nontrivial) Impact of Education on Domestic Terrorism // *Journal of Conflict Resolution*. Vol. 59. № 7. P. 1186–1215.
- Brooks R.* (2009). Researching Democracy and Terrorism: How Political Access Affects Militant Activity // *Security Studies*. Vol. 18. P. 756–788.
- Campos N.F., Gassebner M.* (2009). International Terrorism, Political Instability and the Escalation Effect. Zurich: KOF Swiss Economic Institute.
- Chenoweth E.* (2007). The Inadvertent Effects of Democracy on Terrorist Group Proliferation. PhD Dissertation. University of Colorado at Boulder.
- Chenoweth E.* (2010). Democratic Competition and Terrorist Activity // *Journal of Politics*. Vol. 72. № 1. P. 16–30.
- Chenoweth E.* (2013). Terrorism and Democracy // *Annual Review of Political Science*. Vol. 16. P. 355–378.
- Conrad C. R., Conrad J., Young J. K.* (2014). Tyrants and Terrorism: Why Some Autocrats are Terrorized, While Others are Not? // *International Studies Quarterly*. Vol. 58. № 3. P. 539–549.
- Danzell O. E.* (2011). Political Parties: When do They Turn to Terror? // *Journal of Conflict Resolution*. Vol. 55. № 1. P. 85–105.
- Davis D. W., Silver B. D.* (2004). Civil Liberties versus Security: Public Opinion in the Context of the Terrorist Attacks on America // *American Journal of Political Science*. Vol. 48. № 1. P. 28–46.
- Drakos K., Gofas A.* (2007). Evidence for the Existence of Under-Reporting Bias in Observed Terrorist Activity: The Message in Press Freedom Status Transitions // *Democracy and Security*. Vol. 3. № 2. P. 139–155.
- Drakos K., Gofas A.* (2006). The Devil You Know but are Afraid to Face: Underreporting Bias and Its Distorting Effects on the Study of Terrorism // *Journal of Conflict Resolution*. Vol. 50. № 5. P. 714–735.
- Elbakidze L., Jin Y. H.* (2015). Are Economic Development and Education Improvement Associated with Participation in Transnational Terrorism? // *Risk Analysis*. Vol. 35. № 8. P. 1520–1535.
- Ellingsen T., Gleditsch N. P.* (1997). Democracy and Armed Conflict in the Third World // *Volden K., Smith D.* (eds.). *Causes of Conflict in Third World*. Oslo: North/South Coalition & International Peace Research Institute. P. 69–81.

- Enders W., Hoover G.A., Sandler T.* (2016). The Changing Nonlinear Relationship between Income and Terrorism // *Journal of Conflict Resolution*. Vol. 60. № 2. P. 195–225.
- Fearon J. D.* (1994). Domestic Political Audiences and the Escalation of an International Disputes // *American Political Science Review*. Vol. 88. № 3. P. 577–592.
- Findley M. G., Young J. K.* (2011). Terrorism, Democracy, and Credible Commitments // *International Studies Quarterly*. Vol. 55. № 2. P. 357–378.
- Foster D. M., Braithwaite A., Sobek D.* (2012). There Can Be No Compromise: Institutional Inclusiveness, Fractionalization and Domestic Terrorism // *British Journal of Political Science*. Vol. 43. № 3. P. 541–556.
- Frey B. S., Luechinger S.* (2004). Decentralization as a Disincentive for Terror // *European Journal of Political Economy*. Vol. 20. № 2. P. 509–515.
- Gadarian S.* (2010). The Politics of Threat: How Terrorism News Shapes Foreign Policy Attitudes // *Journal of Politics*. Vol. 72. № 2. P. 469–483.
- Gaibulloev K., Piazza J. A., Sandler T.* (2017). Regime Types and Terrorism // *International Organization*. Vol. 71. № 3. P. 491–522.
- Gates S., Hegre H., Jones M. P., Strand H.* (2006). Institutional Inconsistency and Political Instability: Polity Duration, 1800–2000 // *American Journal of Political Science*. Vol. 50. № 4. P. 893–908.
- Ghatak S., Gold A., Prins B. C.* (2019). Domestic Terrorism in Democratic States: Understanding and Addressing Minority Grievances // *Journal of Conflict Resolution*. Vol. 63. № 2. P. 439–467.
- Goldstein K.B.* (2005). Unemployment, Inequality, and Terrorism: Another Look at the Relationship between Economics and Terrorism // *Underground Economic Review*. Vol. 1. № 6. P. 1–21.
- Goldstone J.* (2014). Protests in Ukraine, Thailand and Venezuela: What unites them? // *Russia Direct*. URL: <http://www.russia-direct.org/content/protests-ukraine-thailand-and-venezuela-what-unites-them> (дата обращения: 09.09.2018).
- Goldstone J., Bates R., Epstein D., Gurr T., Lustik M., Marshall M., Ulfelder J., Woodward M. A.* (2010). Global Model for Forecasting Political Instability // *American Journal of Political Science*. Vol. 54. № 1. P. 190–208.
- Goldstone J. A., Gurr T. R., Harff B., Levy M. A., Marshall M. G., Bates R. H., Epstein D. L., Kahl C. H., Surko P. T., Ulfelder J. C., Unger Jr. A. N.* (2001). State Failure Task Force Report: Phase III Findings. McLean: Science Applications International Corporation (SAIC).
- Gurr T. R.* (1974). Persistence and Change in Political Systems, 1800–1971 // *American Political Science Review*. Vol. 68. № 4. P. 1482–1504.
- Hoffman B.* (2006). *Inside Terrorism*. New York: Columbia University Press.
- Kibris A.* (2011). Funerals and Elections: The Effects of Terrorism on Voting Behavior in Turkey // *Journal of Conflict Resolution*. Vol. 55. № 2. P. 220–247.
- Kis-Katos K., Liebert H., Schulze G.G.* (2011). On the Origin of Domestic and International Terrorism // *European Journal of Political Economy*. Vol. 27. № 1. P. 17–36.

- Koch M. T., Cranmer S.* (2007). Testing the «Dick Cheney» Hypothesis: Do Governments of the Left Attract More Terrorism than Governments of the Right? // *Conflict Management and Peace Science*. Vol. 24. № 4. P. 311–326.
- Korotayev A., Vaskin I., Bilyuga S., Ilyin I.* (2018). Economic Development and Sociopolitical Destabilization: A Re-analysis // *Cliodynamics*. Vol. 9. № 1. P. 59–118.
- Krieger T., Meierrieks D.* (2011). What Causes Terrorism? // *Public Choice*. Vol. 147. P. 3–27.
- Kurrild-Klitgaard P., Justensen M. K., Klemmensen R.* (2006). The Political Economy of Freedom, Democracy and Transnational Terrorism // *Public Choice*. Vol. 128. P. 289–315.
- Lee C.* (2013). Democracy, Civil Liberties, and Hostage-Taking Terrorism // *Journal of Peace Research*. Vol. 50. № 2. P. 235–248.
- Levitsky S., Way L.* (2011). *Competitive Authoritarianism: Hybrid Regimes after the Cold War*. New York: Cambridge University Press.
- Li Q.* (2005). Does Democracy Promote or Reduce Transnational Terrorist Incidents? // *Journal of Conflict Resolution*. Vol. 49. № 2. P. 278–297.
- Lutz J. M., Lutz B. J.* (2010). *Democracy and Terrorism // Perspectives on Terrorism*. Vol. 1. № 1. P. 63–74.
- Mansfield E. D., Snyder J.* (1995). Democratization and the Danger of War // *International Security*. Vol. 20. № 1. P. 5–38.
- Mares M.* (2011). Terrorism-Free Zone in East Central Europe? Strategic Environment, Risk Tendencies, and Causes of Limited Terrorist Activities in the Visegrad Group Countries // *Terrorism and Political Violence*. Vol. 23. № 2. P. 233–253.
- Marshall M. G., Cole B. R.* (2008). Macro-Comparative Analysis of the Problem of Factionalism in Emerging Democracies. Annual Meeting of the American Political Science Association.
- Marshall M. G., Cole B. R.* (2012). Societal Systems Analysis and the Problem of Factionalism in Emerging Democracies. Meeting of the International Studies and British International Studies Associations.
- Marshall M.G., Gurr T.R., Jagers K.* (2016). Polity IV Project: Political Regime Characteristics and Transitions, 1800–2016. Dataset Users' Manual. URL: <http://www.systemicpeace.org/inscr/p4manualv2016.pdf> (дата обращения: 09.09.2018).
- Merolla J. L., Zechmeister E. J.* (2009). *Democracy at Risk: How Terrorist Threats Affect the Public*. Chicago: University of Chicago Press.
- Moore W. H., Bakker R., Hill D. W.* (2016). How Much Terror? Dissidents, Governments, Institutions, and the Cross-National Study of Terror Attacks // *Journal of Peace Research*. Vol. 53. № 5. P. 711–726.
- Muller E. N., Weede E.* (1990). Cross-National Variation in Political Violence: A Rational Action Approach // *Journal of Conflict Resolution*. Vol. 34. № 4. P. 624–651.
- Pape R.* (2003). The Strategic Logic of Suicide Terrorism // *American Political Science Review*. Vol. 97. № 3. P. 343–361.

- Piazza J. A.* (2006). Rooted in Poverty? Terrorism, Poor Economic Development, and Social Cleavages // *Terrorism and Political Violence*. Vol. 18. № 1. P. 159–177.
- Piazza J. A.* (2008). Do Democracy and Free Markets Protect Us from Terrorism? // *International Politics*. Vol. 45. № 1. P. 72–91.
- Piazza J. A.* (2013). Regime Age and Terrorism: Are New Democracies Prone to Terrorism? // *International Interaction*. 2013. Vol. 39. № 2. P. 246–263.
- Piazza J. A.* (2017). Repression and Terrorism: A Cross-National Empirical Analysis of Types of Repression and Domestic Terrorism // *Terrorism and Political Violence*. Vol. 29. № 1. P. 102–118.
- Reiter D., Wade S.* (2007). Does Democracy Matter? Regime Type and Suicide Terrorism // *Journal of Conflict Resolution*. Vol. 51. № 2. P. 329–348.
- Robertson G., Teitelbaum E.* (2011). Foreign Direct Investment, Regime Type, and Labor Protest in Developing Countries // *American Journal of Political Science*. Vol. 55. № 3. P. 665–677.
- Sandler T.* (1995). On the Relationship between Democracy and Terrorism // *Terrorism and Political Violence*. Vol. 7. № 4. P. 1–9.
- Savun B., Philips B. J.* (2009). Democracy, Foreign Policy, and Terrorism // *Journal of Conflict Resolution*. Vol. 53. № 6. P. 878–904.
- Shahrouri N.* (2010). Does a Link Exist Between Democracy and Terrorism? // *International Journal on World Peace*. Vol. 27. № 4. P. 41–77.
- Slinko E., Bilyuga S., Zinkina J., Korotayev A.* (2017). Regime Type and Political Destabilization in Cross-National Perspective: A Re-analysis // *Cross-Cultural Research*. Vol. 51. № 1. P. 26–50.
- START (2018). Global Terrorism Database. URL: <https://www.start.umd.edu/gtd/> (дата обращения: 09.09.2018).
- Tavares J.* (2004). The Open Society Assesses its Enemies: Shocks, Disasters and Terrorist Attacks // *Journal of Monetary Economics*. Vol. 51. № 5. P. 1039–1070.
- Ulfelder J., Lustik M.* (2007). Modelling Transitions to and from Democracy // *Democratization*. Vol. 14. № 3. P. 351–387.
- United Nations Development Program (2015). Human Development Report 2015: Work for Human Development. URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/2015_human_development_report.pdf (дата обращения: 09.09.2018).
- Viscusi W. K., Zeckhauser R. J.* (2003). Sacrificing Civil Liberties to Reduce Terrorism Risks // *Journal of Risk and Uncertainty*. Vol. 26. № 2–3. P. 99–120.
- Vreeland, J. R.* (2008). The Effect of Political Regime on Civil War: Unpacking Anocracy // *Journal of Conflict Resolution*, Vol. 52. № 3. P. 401–425.
- World Bank (2018a). GDP per capita, PPP (Constant 2011 International \$). URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.KD> (дата обращения: 09.09.2018).
- World Bank (2018b). Unemployment, Total (% of Total Labor Force). URL: <https://data.worldbank.org/indicator/sl.uem.totl.zs> (дата обращения: 09.09.2018).
- Young J. K., Dugan L.* (2011). Veto Players and Terror // *Journal of Peace Research*. Vol. 48. № 1. P. 19–33.

Democracy and Terrorism: A Re-analysis

Andrey Korotayev

PhD, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Laboratory for Monitoring the Risks of Socio-Political Destabilization, National Research University — Higher School of Economics
Chief Researcher, Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences
Address: Myasnitskaya Str., 20, Moscow, Russian Federation 101000
E-mail: akorotayev@gmail.com

Ilya Vaskin

MS in Political Science, Research Assistant, International Research Laboratory for the Institutional Analysis of Economic Reforms, Center for Institutional Studies, National Research University — Higher School of Economics
Address: Myasnitskaya Str., 20, Moscow, Russian Federation 101000
E-mail: ilia-vaskin@yandex.ru

Daniil Romanov

Research Assistant, The Laboratory for Monitoring the Risks of Socio-Political Destabilization, National Research University — Higher School of Economics.
Address: Myasnitskaya Str., 20, Moscow, Russian Federation 101000
E-mail: dm.romanov@me.com

The authors analyze the relationship between the type of political regime and the level of terrorist activity, with a particular emphasis on the so-called factional democracies. The key difference of factional democracies from other political regimes is the presence of polarization between opposing factions. It has been reported that political polarization transforms the conventional institutionalized political process into unconventional politics. The authors draw attention to the fact that in the existing scientific debate, there is no clear conclusion about the nature of the relationship between the type of political regime and the level of terrorist activity in the country. A literature review suggests that there is a curvilinear, U-shaped relationship between the level of terrorist activity and the type of political regime, which is consistent with the findings of previous works describing the relationship between socio-political destabilization and the type of political regime. Preliminary testing conducted by the authors indicates that factional democracies are subject to significantly more terrorist attacks than any other political regimes. While analyzing data on the level of terrorist activity, the authors address the need to split the sample into subsamples, due to the nonlinear nature of the relationship between the level of terrorist activity and GDP per capita, as well as the mean of years of schooling. The presence of a positive relationship between factional democracies and the level of terrorist activity is also verified by applying a negative binomial regression. The authors offer their own answer to the question of why so many previous studies have detected a positive correlation between democracy and terrorism. Attention is drawn to the fact that the positive relationship between democratic regime and the level of terrorist activity can be obtained due to the inclusion of factional democracies into the overall sample of democratic states. If factional democracies are excluded from the sample, the relationship between the level of terrorist activity and the democratic regime turns out to be clearly negative. The findings about the relationship between regime type and terrorist activity are replicated at the subsamples level. The general conclusion is that a factional democracy turns out to be a very strong positive predictor of high levels of terrorist activity, whereas a non-factional democracy turns out to be a statistically-significant predictor of the relatively lower levels of the intensity of terrorist attacks.

Keywords: terrorism, political regime, factional democracy, democracy, socio-political destabilization

References

- Abrahms M. (2007) Why Democracies Make Superior Counterterrorists. *Security Studies*, vol. 16, no 2, pp. 223–253.
- Aksoy D., Carter D. B., Wright J. (2012) Terrorism in Dictatorships. *Journal of Politics*, vol. 74, no 3, pp. 810–826.
- Allen M. (2009) Civil Disobedience and Terrorism: Testing the Limits of Deliberative Democracy. *Theoria*, vol. 56, no 118, pp. 15–39.
- Andersen R., Brym R. (2017) How Terrorism Affects Attitudes toward Democracy: Tunisia in 2015. *Canadian Review of Sociology*, vol. 54, no 4, pp. 519–529.
- Ash K. (2016) Representative Democracy and Fighting Domestic Terrorism. *Terrorism and Political Violence*, vol. 28, no 1, pp. 114–134.
- Basuchoudhary A., Shughart II W. F. (2010) On Ethnic Conflict and the Origins of Transnational Terrorism. *Defense and Peace Economics*, vol. 21, no 1, pp. 65–87.
- Berrebi C., Klor E. E. (2006) On Terrorism and Electoral Outcome: Theory and Evidence from the Israeli-Palestinian Conflict. *Journal of Conflict Resolution*, vol. 50, no 6, pp. 899–925.
- Bird G., Blomerg S. B., Hess G. D. (2008) International Terrorism: Causes, Consequences, and Cures. *World Economy*, vol. 31, no 2, pp. 255–274.
- Boehmer Ch., Daube M. (2013) The Curvilinear Effects of Economic Development on Domestic Terrorism. *Peace Economics, Peace Science and Public Policy*, vol. 19, no 3, pp. 359–368.
- Brockhoff S., Krieger T., Meierrieks D. (2015) Great Expectations and Hard Times: The (Nontrivial) Impact of Education on Domestic Terrorism. *Journal of Conflict Resolution*, vol. 59, no 7, pp. 1186–1215.
- Brooks R. (2009) Researching Democracy and Terrorism: How Political Access Affects Militant Activity. *Security Studies*, vol. 18, pp. 756–788.
- Campos N.F., Gassebner M. (2009) *International Terrorism, Political Instability and the Escalation Effect*, Zurich: KOF Swiss Economic Institute.
- Chenoweth E. (2007) *The Inadvertent Effects of Democracy on Terrorist Group Proliferation* (PhD dissertation), University of Colorado at Boulder.
- Chenoweth E. (2010) Democratic Competition and Terrorist Activity. *Journal of Politics*, vol. 72, no 1, pp. 16–30.
- Chenoweth E. (2013) Terrorism and Democracy. *Annual Review of Political Science*, vol. 16, pp. 355–378.
- Conrad C. R., Conrad J., Young J. K. (2014) Tyrants and Terrorism: Why Some Autocrats are Terrorized, While Others are Not? *International Studies Quarterly*, vol. 58, no 3, pp. 539–549.
- Danzell O. E. (2011) Political Parties: When do They Turn to Terror? *Journal of Conflict Resolution*, vol. 55, no 1, pp. 85–105.
- Davis D. W., Silver B. D. (2004) Civil Liberties versus Security: Public Opinion in the Context of the Terrorist Attacks on America. *American Journal of Political Science*, vol. 48, no 1, pp. 28–46.
- Drakos K., Gofas A. (2006) The Devil You Know but are Afraid to Face: Underreporting Bias and Its Distorting Effects on the Study of Terrorism. *Journal of Conflict Resolution*, vol. 50, no 5, pp. 714–735.
- Drakos K., Gofas A. (2007) Evidence for the Existence of Under-Reporting Bias in Observed Terrorist Activity: The Message in Press Freedom Status Transitions. *Democracy and Security*, vol. 3, no 2, pp. 139–155.
- Elbakidze L., Jin Y. H. (2015) Are Economic Development and Education Improvement Associated with Participation in Transnational Terrorism? *Risk Analysis*, vol. 35, no 8, pp. 1520–1535.
- Ellingsen T., Gleditsch N. P. (1997) Democracy and Armed Conflict in the Third World. *Causes of Conflict in Third World* (eds. K. Volden, D. Smith), Oslo: North-/South Coalition & International Peace Research Institute, pp. 69–81.
- Enders W., Hoover G.A., Sandler T. (2016) The Changing Nonlinear Relationship between Income and Terrorism. *Journal of Conflict Resolution*, vol. 60, no 2, pp. 195–225.
- Fearon J. D. (1994) Domestic Political Audiences and the Escalation of an International Disputes. *American Political Science Review*, vol. 88, no 3, pp. 577–592.

- Findley M. G., Young J. K. (2011) Terrorism, Democracy, and Credible Commitments. *International Studies Quarterly*, vol. 55, no 2, pp. 357–378.
- Foster D. M., Braithwaite A., Sobek D. (2012) There Can Be No Compromise: Institutional Inclusiveness, Fractionalization and Domestic Terrorism. *British Journal of Political Science*, vol. 43, no 3, pp. 541–556.
- Frey B. S., Luechinger S. (2004) Decentralization as a Disincentive for Terror. *European Journal of Political Economy*, vol. 20, no 2, pp. 509–515.
- Gadarian S. (2010) The Politics of Threat: How Terrorism News Shapes Foreign Policy Attitudes. *Journal of Politics*, vol. 72, no 2, pp. 469–483.
- Gaibulloev K., Piazza J. A., Sandler T. (2017) Regime Types and Terrorism. *International Organization*, vol. 71, no 3, pp. 491–522.
- Gates S., Hegre H., Jones M. P., Strand H. (2006) Institutional Consistency and Political Instability. *American Journal of Political Science*, vol. 50, no 4, pp. 893–908.
- Ghatak S., Gold A., Prins B. C. (2019) Domestic Terrorism in Democratic States: Understanding and Addressing Minority Grievances. *Journal of Conflict Resolution*, vol. 63, no 2, pp. 439–467.
- Goldstein K.B. (2005) Unemployment, Inequality, and Terrorism: Another Look at the Relationship between Economics and Terrorism. *Underground Economic Review*, vol. 1, no 6, pp. 1–21.
- Goldstone J. (2014) Protests in Ukraine, Thailand and Venezuela: What Unites Them? Available at: <http://www.russia-direct.org/content/protests-ukraine-thailand-and-venezuela-what-unites-them> (accessed 09 September 2018).
- Goldstone J. A., Gurr T. R., Harff B., Levy M. A., Marshall M. G., Bates R. H., Epstein D. L., Kahl C. H., Surko P. T., Ulfelder J. C., Unger Jr. A. N. (2001) *State Failure Task Force Report: Phase III Findings*, McLean: Science Applications International Corporation (SAIC).
- Goldstone J., Bates R., Epstein D., Gurr T., Lustik M., Marshall M., Ulfelder J., Woodward M. (2010) Global Model for Forecasting Political Instability. *American Journal of Political Science*, vol. 54, no 1, pp. 190–208.
- Grinin L., Korotayev A. (2014) Revolyutsiya vs demokratiya (revolyutsiya i kontrrevolyutsiya v Yegipte) [Revolution vs Democracy (Revolution and Counter-revolution in Egypt)]. *Polis. Political Studies*, no 3, pp. 139–158.
- Gurr T. R. (1974) Persistence and Change in Political Systems, 1800–1971. *American Political Science Review*, vol. 68, no 4, pp. 1482–1504.
- Hoffman B. (2006) *Inside Terrorism*, New York: Columbia University Press.
- Kibris A. (2011) Funerals and Elections: The Effects of Terrorism on Voting Behavior in Turkey. *Journal of Conflict Resolution*, vol. 55, no 2, pp. 220–247.
- Kis-Katos K., Liebert H., Schulze G.G. (2011) On the Origin of Domestic and International Terrorism. *European Journal of Political Economy*, vol. 27, no 1, pp. 17–36.
- Koch M. T., Cranmer S. (2007) Testing the “Dick Cheney” Hypothesis: Do Governments of the Left Attract More Terrorism than Governments of the Right? *Conflict Management and Peace Science*, vol. 24, no 4, pp. 311–326.
- Korotayev A., Grinin L., Issaev L., Bilyuga S., Vaskin I., Slinko E., Shishkina A., Meshcherina K. (2017) *Destabilizatsiya: global'nyye, natsional'nyye, prirodnyye faktory i mekhanizmy* [Destabilization: Global, National, and Natural Factors and Mechanisms], Moscow: Uchitel.
- Korotayev A., Issaev L., Vasilyev A. (2015) Kolichestvennyy analiz revolyutsionnoy volny 2013–2014 y [Quantitative Analysis of the Revolutionary Wave of 2013–2014]. *Sotsiologicheskie Issledovaniia*, no 8, pp. 119–127.
- Korotayev A., Slinko E., Shulgin S., Biluyga S. (2016) Promezhutochnyye tipy politicheskikh rezhimov i sotsial'no-politicheskaya nestabil'nost' (opyt kolichestvennogo kross-natsional'nogo analiza) [Hybrid Types of Political Regimes and Socio-Political Instability (Essay in Quantitative Cross-National Analysis)]. *Politeia*, no 3, pp. 31–52.
- Korotayev A., Vaskin I., Biluyga S. (2017) Gipoteza Olsona — Khantingtona o krivolinyeynoy zavisimosti mezhdu urovnem ekonomicheskogo razvitiya i sotsial'no-politicheskoy destabilizatsiyey: opyt kolichestvennogo analiza. [The Olson–Huntington Hypothesis on the Curvilinear Relationship between the Level of Economic Development and Socio-Political

- Destabilization: An Essay in Quantitative Analysis]. *Russian Sociological Review*, vol. 16, no 1, pp. 9–47.
- Korotayev A., Vaskin I., Bilyuga S., Ilyin I. (2018) Economic Development and Sociopolitical Destabilization: A Re-Analysis. *Clodynamics*, vol. 9, no 1, pp. 59–118.
- Krieger T., Meierrieks D. (2011) What Causes Terrorism? *Public Choice*, vol. 147, pp. 3–27.
- Kurrild-Klitgaard P., Justensen M. K., Klemmensen R. (2006) The Political Economy of Freedom, Democracy and Transnational Terrorism. *Public Choice*, vol. 128, pp. 289–315.
- Lee C. (2013) Democracy, Civil Liberties, and Hostage-Taking Terrorism. *Journal of Peace Research*, vol. 50, no 2, pp. 235–248.
- Levitsky S., Way L. (2011) *Competitive Authoritarianism: Hybrid Regimes after the Cold War*, New York: Cambridge University Press.
- Li Q. (2005) Does Democracy Promote or Reduce Transnational Terrorist Incidents? *Journal of Conflict Resolution*, vol. 49, no 2, pp. 278–297.
- Lutz J. M., Lutz B. J. (2010) Democracy and Terrorism. *Perspectives on Terrorism*, vol. 1, no 1, pp. 63–74.
- Malkov S., Korotayev A., Issaev L., Kouzminova E. (2013) O metodike otsenki tekushchego sostoyaniya i prognoza sotsial'noy nestabil'nosti: opyt kolichestvennogo analiza soobytiy arabskoy vesny [On the Method of Assessing the Current State and Forecasting Social Instability: An Essay in Quantitative Analysis of the Events of the Arab Spring]. *Polis. Political Studies*, no 4, pp. 137–162.
- Mansfield E. D., Snyder J. (1995) Democratization and the Danger of War. *International Security*, vol. 20, no 1, pp. 5–38.
- Mares M. (2011) Terrorism-Free Zone in East Central Europe? Strategic Environment, Risk Tendencies, and Causes of Limited Terrorist Activities in the Visegrad Group Countries. *Terrorism and Political Violence*, vol. 23, no 2, pp. 233–253.
- Marshall M. G., Cole B. R. (2008) Macro-Comparative Analysis of the Problem of Factionalism in Emerging Democracies. Paper Presented at the Annual Meeting of the American Political Science Association.
- Marshall M. G., Cole B. R. (2012) Societal Systems Analysis and the Problem of Factionalism in Emerging Democracies. Paper Presented at the Meeting of the International Studies and British International Studies Associations.
- Marshall M. G., Gurr T. R., Jagers K. (2016) Polity IV Project: Political Regime Characteristics and Transitions, 1800–2016. Dataset Users' Manual. Available at: <http://www.systemicpeace.org/inscr/p4manualv2016.pdf> (accessed 09 September 2018).
- Merolla J. L., Zechmeister E. J. (2009) *Democracy at Risk: How Terrorist Threats Affect the Public*, Chicago: University of Chicago Press.
- Moore W. H., Bakker R., Hill D. W. (2016) How Much Terror? Dissidents, Governments, Institutions, and the Cross-National Study of Terror Attacks. *Journal of Peace Research*, vol. 53, no 5, pp. 711–726.
- Muller E. N., Weede E. (1990) Cross-National Variation in Political Violence: A Rational Action Approach. *Journal of Conflict Resolution*, vol. 34, no 4, pp. 624–651.
- Narochnitskaya E. (2003) Terrorizm i demokratiya (na primere etnicheskogo terrorizma v stranakh Zapada) [Terrorism and Democracy (Evidence from Ethnic Terrorism in Western Countries)]. *Urgent Problems of Europe*, no 1, pp. 27–59.
- Pape R. (2003) The Strategic Logic of Suicide Terrorism. *American Political Science Review*, vol. 97, no 3, pp. 343–361.
- Piazza J. A. (2006) Rooted in Poverty? Terrorism, Poor Economic Development, and Social Cleavages. *Terrorism and Political Violence*, vol. 18, no 1, pp. 159–177.
- Piazza J. A. (2008) Do Democracy and Free Markets Protect Us from Terrorism? *International Politics*, vol. 45, no 1, pp. 72–91.
- Piazza J. A. (2013) Regime Age and Terrorism: Are New Democracies Prone to Terrorism? *International Interaction*, vol. 39, no 2, pp. 246–263.
- Piazza J. A. (2017) Repression and Terrorism: A Cross-National Empirical Analysis of Types of Repression and Domestic Terrorism. *Terrorism and Political Violence*, vol. 29, no 1, pp. 102–118.

- Reiter D., Wade S. (2007) Does Democracy Matter? Regime Type and Suicide Terrorism. *Journal of Conflict Resolution*, vol. 51, no 2, pp. 329–348.
- Robertson G., Teitelbaum E. (2011) Foreign Direct Investment, Regime Type, and Labor Protest in Developing Countries. *American Journal of Political Science*, vol. 55, no 3, pp. 665–677.
- Sandler T. (1995) On the Relationship between Democracy and Terrorism. *Terrorism and Political Violence*, vol. 7, no 4, pp. 1–9.
- Savun B., Philips B. J. (2009) Democracy, Foreign Policy, and Terrorism. *Journal of Conflict Resolution*, vol. 53, no 6, pp. 878–904.
- Shahrouri N. (2010) Does a Link Exist Between Democracy and Terrorism? *International Journal on World Peace*, vol. 27, no 4, pp. 41–77.
- Slinko E., Bilyuga S., Zinkina J., Korotayev A. (2017) Regime Type and Political Destabilization in Cross-National Perspective: A Re-analysis. *Cross-Cultural Research*, vol. 51, no 1, pp. 26–50.
- START (2018) Global Terrorism Database. Available at: <https://www.start.umd.edu/gtd/> (accessed 09 September 2018).
- Tavares J. (2004) The Open Society Assesses its Enemies: Shocks, Disasters and Terrorist Attacks. *Journal of Monetary Economics*, vol. 51, no 5, pp. 1039–1070.
- Ulfelder J., Lustik M. (2007) Modelling Transitions to and from Democracy. *Democratisation*, vol. 14, no 3, pp. 351–387.
- United Nations Development Program (2018) Human Development Report 2015: Work for Human Development. Available at: http://hdr.undp.org/sites/default/files/2015_human_development_report.pdf (accessed 09 September 2018).
- Vaskin I., Tsirel S., Korotayev A. (2018) Ekonomicheskiy rost, obrazovaniye i terrorizm: opyt kolichestvennogo analiza [Economic Growth, Education and Terrorism: An Essay in Quantitative Analysis]. *Sociological Journal*, vol. 24, no 2, pp. 28–65.
- Viscusi W. K., Zeckhauser R. J. (2003) Sacrificing Civil Liberties to Reduce Terrorism Risks. *Journal of Risk and Uncertainty*, vol. 26, no 2–3, pp. 99–120.
- Vreeland J. R. (2008) The Effect of Political Regime on Civil War: Unpacking Anocracy. *Journal of Conflict Resolution*, vol. 52, no 3, pp. 401–425.
- World Bank (2018) GDP per capita, PPP (Constant 2011 International \$). Available at: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.KD> (accessed 09 September 2018).
- World Bank (2018) Unemployment, Total (% of Total Labor Force). Available at: <https://data.worldbank.org/indicator/sl.uem.totl.zs> (accessed 09 September 2018).
- Young J. K., Dugan L. (2011) Veto Players and Terror. *Journal of Peace Research*, vol. 48, no 1, pp. 19–33.